

Александра Флид

Трустная
девочка

Александра Флид

Грустная девочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11876034

ISBN 978-5-4474-2386-5

Аннотация

Эмма узнаёт о том, что не может иметь детей, и с этого момента её жизнь начинает стремительно меняться. Встреча с маленькой Софией становится для неё настоящим спасением. Эта удивительная грустная девочка живёт в доме дяди – она не помнит родителей и не знает материнской любви.

Эмма и София необходимы друг другу, но предрассудки не позволяют им жить вместе. Они ещё не знают, что в будущем им придётся преодолеть невероятную боль и найти в себе силы жить с надеждой на будущее.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	27
Глава 4	43
Глава 5	61
Глава 6	77
Глава 7	91
Глава 8	109
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Грустная девочка

Александра Флид

© Александра Флид, 2015

© Ольга Флид, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1

Белое платье в крупный черный горошек было безнадежно испачкано. В девятом часу Эмма прокапала на него растаявшим сливочным мороженым, – капля припала прямо по центру большой горошины – в одиннадцать маленькая девочка в автобусе схватилась за подол платья вымазанными шоколадом ручками. А в два часа пополудни она сама уселась прямо на ступеньки мраморной лестницы городского парка. Солнце стояло почти в зените, и Эмма оглянулась, пытаясь найти свою широкополую шляпу. Все напрасно – наверное, она потеряла ее по дороге. Оставила в трамвае или даже в кабинете доктора. Ерунда, пусть шляпа остается там, где она ее забыла.

Рядом с белым пятнышком в центре черной горошины появилась еще более черная мокрая точка. А потом еще одна и еще одна. Эмма плакала, опустив голову на руки и не заботясь о том, что выглядит она, по меньшей мере, жалко. Белые босоножки сдавливали ступни так, что хотелось выбросить их прочь и пойти босиком. Нет, никуда она отсюда не сдвинется. Будет сидеть, пока дворник не прогонит ее своей колючей метлой, добавив ко всем пятнам еще и черные полосы от сухих веток.

«С таким гормональным фоном, голубушка, вы никогда не сможете иметь детей».

Голубушка сидела и лила слезы, оплакивая свою испорченную жизнь. Эмма не любила плакать и старалась делать это как можно реже, но сейчас сдержаться было просто нельзя.

«Конечно, можно попробовать все исправить, но на успех надеяться я бы вам не советовала».

Принимать гормоны можно в любом возрасте, но Эмма не собиралась этого делать. Нет, старушечьи сказки насчет бороды и исчезающей талии не пугали ее, но она и так понимала, что теперь менять что-либо слишком поздно. Когда проблемы с организмом только начались, у нее не было денег на нормальное обследование, а теперь...

Мимо цокали металлические набойки шпилек, шлепали летние тапочки, стучали начищенные мужские туфли. Какая-то мамаша с тихим ворчанием протащила по ступенькам коляску, в которой лопотал ребенок, и Эмма, вместо того чтобы подвинуться и дать больше места, снова залилась слезами.

Ну, что за идиотка? Разве можно плакать из-за такой ерунды? Только тупоумные, слабовольные и бестолковые дуручки верят в то, что всю жизнь можно построить вокруг семьи и ребенка.

Да разве же это повод для слез? Эмма вытирала соленую водичку руками, размазывая черный карандаш и тушь. Пришлось выудить платок из плетеной сумочки-корзинки и стереть все следы с лица, пока какой-нибудь малыш не увидел

ее и не испугался. И опять все возвращается к детям.

К черту все. Эмма поднялась, отряхнулась и пошла прочь из парка.

«Мартин, у нас никогда не будет детей. Я узнала об этом только сегодня утром, но подозревала уже давно. Прости, что сразу не сказала».

Что скажет Мартин?

«Милая, я люблю тебя и мне все равно, будут ли у нас дети. Давай поженимся и усыновим ребенка из приюта. Я буду счастлив рядом с тобой в любом случае».

«Милая, мне уже тридцать, пора бы завести семью, и я хочу, чтобы мои дети были похожи на меня».

Первый вариант ей не нравился, потому что она и сама хотела бы родить своего малыша. Ребенок из приюта – об этом еще нужно было хорошо подумать и все решить. Легко говорить о том, что можно усыновить или удочерить, и гораздо сложнее решиться на это окончательно. Малыш – это не котенок, которого можно отодвинуть на задний план. Да что там, даже котенка не отодвинешь. Но, Господи, как бы ей хотелось услышать именно первый вариант! Неважно, что она не может думать о приемном ребенке – важно, чтобы Мартин не отказался от нее.

«Привет мамочка. У меня все отлично, работаю полную смену, по вечерам хожу в кино, а на днях заглянула к доктору и узнала, что бесплодна. А так все прекрасно».

Что скажет мама?

«Детка, мне так жаль. Не беспокойся, мы поищем тебе другого врача».

«Ты опять за старое? Война закончилась всего десять лет назад, столько людей умерло почему зря, как можно сейчас думать о детях? Как можно рожать детей в таком мире?»

Эмма уже знала, что вылечить это бесплодие нельзя. Она слышала об этом несколько раз, причем в разных клиниках. Врачи терзали ее тело всевозможными приборами, а руки не заживали от уколов и анализов крови. Так что искать другого врача смысла не было, и она это знала. Но как же она хотела, чтобы мама сказала именно эти слова! Потому что ей хотелось ощутить поддержку и разбить ощущение собственного одиночества.

«Все прошло отлично, Мэйлин. Я действительно никогда не смогу родить. Здорово, правда?»

Что скажет Мэйлин?

«Ох, Эмма, мне так жаль. Иди сюда, я заварю тебе чаю, и ты все мне расскажешь».

«Эмма, я сейчас не могу. Это действительно ужасно, но мне нужно бежать, меня ждет Пауль. Позже, когда я вернусь, ты все мне расскажешь».

Мартин почти слово в слово повторил второй вариант.

«Милая, ты серьезно? Может быть, они ошиблись? А нельзя проверить еще раз? Медицина шагнула далеко вперед, наверняка с этим можно что-то сделать. Ты уже пробо-

вала? А сколько раз? Ну, давай попробуем еще! Ты ездила в новую клинику? Это ужасно, моя мать так надеялась на внуков...»

Мама повторила второй вариант практически без изменений.

«Дорогая, ну зачем ты себя так расстраиваешь? И потом, разве тебе еще не рано думать о детях?».

И только Мэйлин удивила ее. Она открыла дверь уже в вечернем платье – ярко-красный шелк туго обхватывал приподнятую грудь, а черные как смоль волосы были собраны в красивую прическу. Но Мэйлин отошла в сторону, глядя на Эмму снизу вверх и уже вынимая из волос шпильки.

– Иди, сядь на кровать, я сейчас переоденусь.

– Я зайду в другой раз, тебя, наверное, Пауль ждет, – разворачиваясь и собираясь уходить, прохрипела Эмма.

– Я уже спускаюсь, чтобы позвонить ему.

В приемной на первом этаже был телефон, и Мэйлин выпорхнула за дверь так быстро, что Эмма успела поймать лишь алый всполох подхваченного в кулачки подола. Для своей миниатюрной фигуры Мэйлин двигалась очень быстро, и, очевидно, говорить она умела точно так же. В любом случае, вернулась она уже через две минуты, немного запыхавшаяся, но уже с распущенными волосами.

– У меня взяли напрокат плитку, – закрывая за собой дверь и принимаясь за шнуровку платья, сообщила она. – Так что чаем угостить не смогу, но для разговоров у нас есть

целый вечер. Хочешь, спустимся вниз и возьмем чего-нибудь поесть?

Эмма покачала головой. Эта неожиданная доброта Мэйлин и ее готовность отложить все дела ради разговора с соседкой по комнате вызвали у нее новый приступ слез. Кажется, так сильно она не плакала никогда.

Тонкие, но сильные руки обхватили ее плечи, и Эмма почувствовала прикосновение теплого тела подруги. От Мэйлин пахло сандаловым маслом и лаком для ногтей.

– Я не знаю, чем помочь, но буду плакать вместе с тобой.

– Спасибо, – уже теряя голос, пропищала Эмма. – Спасибо тебе.

Мэйлин обхватила ее еще крепче, укачивая как ребенка и нашептывая что-то на своем непонятном родном языке.

Завтра нужно вставать, идти на работу, где весь день предстоит заворачивать и клеить коробки для флаконов с туалетной водой. Завтра нужно общаться с другими девушками из дома, болтать в общей гостиной о пустяках и договариваться насчет кафе для обеденного перерыва. Завтра нужно подняться и забыть, собраться и стиснуть зубы. Но сегодня Эмма хотела дать свободу своей боли и позволить ей пролиться слезами.

Глава 2

На выходные нужно было ехать к матери. Эмма не хотела сейчас этого делать, но выбора не оставалось. Теперь, когда она уже успела позвонить и по глупости все рассказать заранее, шмыгая как дурочка в телефонную трубку, ей особенно не хотелось садиться в автобус и платить за билет до родного города. Идиллически зеленые поля мелькали за окном автобуса, изредка сменяясь рощами и одинокими фермами, а она сидела у стекла и глядела на все это великолепие невидящими глазами. Только бы не слышать, как пронзительно плачет маленькая девочка с одного из задних сидений.

Родная улица встретила ее идеально вычищенными тротуарами, кленовыми вставками, низкими заборами и до тошноты правильно расчерченными газонами. Мечта, а не улица.

– Детка, ты уже приехала, – лучезарно улыбаясь, пропела Эмили, открывая дверь своей единственной дочери.

– Да, мама, я уже здесь.

– Как у тебя дела? Как доехала?

Какие предсказуемые и глупые вопросы. Эмили обладала странным даром вести раздражающую беседу и при этом держать себя так, словно все только этого и должны от нее ожидать.

– Все отлично.

Ни слова о том, что случилось три дня назад. Ни одного намека на этот «неприятный случай». Эмили была убеждена в том, что рожать детей после такой войны – просто безрас-судная роскошь. Если в мире случаются такие катаклизмы, о какой семье может идти речь? Что за безответственность – заводить потомство, мечтать о малышах и еще грустить от того, что у тебя никогда ничего подобного не будет. Эмма настраивала себя два дня, прежде чем отправиться домой – она уговаривала себя не заикаться о своем бесплодии и послушно делать счастливый вид. Грустное лицо могло натолк-нуть Эмили на нотации и нравоучения, а слушать очередные проповеди на тему демографической ситуации ей хотелось меньше всего.

Но, как видно, все старания пошли прахом – за чаем Эми-ли завела разговор о том, что Эмма хотела пропустить мимо этих выходных.

– Детка, не нужно думать, будто мне все равно. Я о том, что ты не сможешь иметь детей. Я имею в виду, мне действи-тельно очень жаль, что с тобой так все получилось, но ведь это еще не повод для того чтобы вешать нос, дорогая. В жиз-ни еще очень много других интересов, ты можешь посвятить свое время более полезным вещам. В конце концов, посмот-ри, что сейчас происходит в мире! Атомная бомба убила сот-ни тысяч людей за один день. Подумать только – целый го-род может взлететь на воздух без предупреждения. Как же страшно рожать детей в таком мире. Так что, может, это и

к лучшему?

Эмма кивнула, стараясь сделать так, чтобы ее лицо не слишком сильно выдавало всех вспыхнувших внутри эмоций.

– Да, мама, я все понимаю.

– Судя по твоей кислой мине, ты говоришь это просто для того чтобы успокоить меня. Кстати, как твой Мартин воспринял эти новости? Ты ему сказала?

– Да, я все ему сказала. Он еще держится, но это ненадолго.

«А теперь она скажет, что мужчина мне ни к чему. Я же теперь просто манекен, чертова кукла, от которой нет никакого толку».

– Вот увидишь, он еще пожалеет, – честно стараясь проявлять солидарность, принялась успокаивать ее Эмили. – К тому же, зачем тебе сейчас замуж? У тебя еще столько всего интересного впереди!

Пришлось опять послушно кивнуть. Она и не заметила, что устало прикрыла глаза, и это неосознанное движение заставило Эмили возобновить увещевания с новой силой.

– Ты что же это – не согласна со мной? Ты просто еще слишком молода. Вот поживешь с мое, и все тебе станет ясно. Ну что хорошего я видела от замужества? Родила тебя, уселась дома. Я ни о чем не жалею, нет, но я не хочу тебе такой жизни.

– Я не делаю из этого трагедию, и мне действительно все

равно, что будет с Мартином, – выдавая свою досаду, вздохнула Эмма. – Просто сейчас я не хочу об этом говорить.

– Ну, конечно, тебе просто некогда говорить с матерью. У тебя наверняка полно подруг на этой твоей работе или там, где ты живешь, – не теряя времени даром, обиделась Эмили.

– Нет у меня никаких таких подруг, – поправляя белокурые локоны, еще более тяжело вздохнула Эмма. – Я просто хочу забыть об этом хотя бы на выходные. Сейчас я дома, торопиться некуда, беспокоиться не о чем, почему бы мне просто не отдохнуть?

– Какая ты счастливая – можешь позволить себе выходной. Вот Инесс, дочь моей подруги, никак не может отдохнуть – устроилась на работу к одной семье, так теперь они зовут ее к себе и днем и ночью.

– И что же она делает? – вяло поинтересовалась Эмма, питая робкую надежду на то, что разговор можно увести в другую сторону.

– Нанимали ее как домработницу, но в итоге получается, что ей приходится смотреть и за детьми. Там какие-то проблемы, я не совсем поняла, с чем они связаны, но ей с ними нелегко.

И Эмили начала распространяться о том, как бедняжка Инесс встает утром в шесть часов и мчится на работу, а потом приходит домой лишь к пяти часам, после чего не может даже нормально поспать, ибо хозяйка имеет привычку звонить в любое время дня или ночи, дабы вызвать мучени-

цу-горничную к себе.

— Кстати, они живут на нашей улице, — сообщила она, отпивая чай из своей кружки. — Может быть, ты их даже увидишь.

Эмма просто кивала, не понимая, почему она должна обращать внимание на тех, кто не имеет к ней совершенно никакого отношения. Казалось, что Эмили все устраивало — она продолжала говорить, превознося терпение и трудолюбие Инесс, что уже начинало действительно сильно надоедать.

Слушать о чужих проблемах и жалеть других людей Эмма не хотела. Поэтому, едва в речи матери наступил перерыв, она взяла свою кружку и торопливо откланялась, притворившись, что у нее болит голова.

Весь смысл поездок домой сводился к вечернему просмотру телепередач, в которых странного вида люди рассказывали о своих проблемах, вновь и вновь вызывая у Эмили приступы жалости и сострадания. Вечером Эмма сидела в кресле, глядя в покатый телеэкран, облаченный в деревянную рамку и возведенный на пьедестал из новенькой тумбочки.

Скорее бы прошла суббота, пережить бы эту ночь, а потом дотерпеть до послеобеденного автобуса и уехать туда, где никто не задает вопросов.

Ночью раздался телефонный звонок, и Эмма перекатилась на спину, комкая тонкую ночную сорочку. Что за дом?

Даже ночью нельзя отдохнуть как следует. Она не прислушивалась к разговору – в этом просто не было смысла, поскольку телефон стоял в конце коридора, и приглушенный голос Эмили не мог проникнуть через плотно закрытую дверь. Эмма просто ждала, когда сердце замедлит удары, и ей снова удастся уснуть.

Если голос не мог проникнуть за дверь, то для настоящего стука такой преграды не существовало – через несколько минут мать постучалась в дверь комнаты, и Эмма едва не захныкала от обиды.

– Эмма, ты спишь? – совершенно искренне спросила Эмили, открывая дверь.

– Нет, – открывая глаза и усаживаясь, ответила Эмма.

– Эти хозяева снова позвонили Инесс, просили, чтобы она пришла. Она только что вернулась домой, а ей снова выезжать. Я сказала, что ты дома, и, возможно, могла бы подменить ее. Ты как? Сможешь?

– Ты ведь уже согласилась за меня, – чувствуя, как к горлу подкатывается противный комок, ответила Эмма.

– Если ты не можешь, я позвоню и скажу, чтобы она ехала сама. Просто, понимаешь...

– Я пойду. Куда нужно идти? – вставая и натягивая рубашку на плечи, отрезала Эмма. – Далеко они живут?

Эмили включила свет, появляясь перед дочерью во всей красе. Волосы, накрученные на бигуди и заботливо накрытые фигурным куполом из сеточки, фланелевый халат, пу-

шистые тапочки – эталон домохозяйки. Завтра у нее будут аккуратные локоны, как положено. Эмма покачала головой, собирая волосы в хвост и затягивая их эластичной ленточкой. Мать оставалась неотразимой женщиной, газетным идеалом, почти рекламной моделью средних лет, в то время как дочь очень редко утруждала себя подобными неудобствами. Вьющиеся волосы достались ей от отца, а светлая кожа от матери. Больше ей было и не нужно.

– Ну, пожалуйста, не злись. Ну, хочешь, я сама схожу? – уже начиная шантажировать ее своим раскаянием, ласково заговорила Эмили.

– Нет, я же сказала, что пойду, – переступая через сброшенную на пол сорочку и снимая с вешалки бриджи, отказалась Эмма.

– Ты действительно выручила бы нас, – торопливо благодарила Эмили, провожая ее до двери.

– Нас? – переспросила Эмма, застегивая последние пуговицы клетчатой рубашки, которую оставалось завязать на талии для более или менее приличного вида.

– Не придирайся к словам, – вполне ожидаемо разозлилась Эмили. – Если не хочешь идти, так и скажи.

– Отчего же, я хочу.

«Просто умираю от желания», – внутренне проворчала она, выходя на прохладный ночной воздух.

Дорога до соседнего дома оказалась не слишком длинной – работодатели Инесс жили в самом конце улицы. Эмма сла-

бо представляла, что скажет, когда они откроют ей дверь, но все же постучалась. Отступить было некуда, да и незачем.

Отворил темноволосый мальчик лет двенадцати.

– Вы кто? – не потрудившись поздороваться, спросил он.

– Я вместо Инесс. – Оказалось, подобрать понятные слова было проще, чем она ожидала.

– Вы ее подруга?

– Нет, моя мать дружит с ее матерью, так что получается, мы дружим через матерей. – Она не была настроена лгать и изворачиваться.

– Серьезно? – все еще держа ее на пороге, улыбнулся мальчик.

За его спиной возникла молодая женщина, которая качала на руках маленького ребенка. Слишком юная для того чтобы быть матерью этого подростка и слишком старая для того чтобы считаться его сестрой. Нечто вроде тети или подруги матери.

– А где Инесс?

– Не знаю, дома, наверное, – терпеливо и честно ответила Эмма.

– Вас прислали вместо нее? Проходите скорее.

Молодая женщина имела приятную наружность, но голо- сом обладала слишком уж тоненьким и слабым. Тип хру- стальной принцессы, которой тяжело поднять ведро с водой или пакет с яблоками. Та, что выносит мусор исключительно с подкрашенными губами. Та, что любит поражать сильной

волей и неординарным умом, задавая контраст своей хрупкой внешности. Еще одна рекламная – а учитывая залаченную в завитках челку и кокетливый цветастый тюрбан, – даже пинап модель. Того гляди еще вытянет губы трубочкой и поднимет брови, прикладывая ладони к щекам.

В доме было чисто и жарко.

– У нас осталось очень много посуды с дружеской вечеринки, а тут мой муж позвонил так неожиданно. Приедет через два часа. Не могу же я встретить его в таком доме, правильно? – добавляя к своему писку еще и нотки гнусавости, промямлила хозяйка дома. – София не хочет мне помогать, боится что-нибудь разбить. Если вы все сделаете, я вам хорошо заплачу. И почему Инесс не смогла приехать сама?

На кухне, куда ее немедленно провели, за столом сидела девочка лет пяти или шести. Это и есть София? Неудивительно, что она не захотела мыть посуду.

Эмма засучила рукава, подходя к раковине.

– Боже, я забыла сказать вам, что у нас временно нет горячей воды. Вот вернется муж, и все исправит.

– Хорошо, это не страшно, – стараясь не грубить незнакомой женщине, оптимистично кивнула Эмма. – Может быть, у вас есть таз средних размеров, чтобы я могла помыть в нем посуду?

Хозяйка махнула ручкой на шкафы, которыми была увешана и заставлена идеальная и дорогая кухня этого игрушечного дома. Ребенок, лежавший на ее руках, при этом зака-

тился плачем – наверное, ему не понравилось, что мама отвлеклась от него.

– Здесь найдете все, что вам нужно. Если что, посмотрите еще в ванной. Помните, где она? Мы проходили мимо нее.

– Да, я помню.

– Ну, значит, даю вам час на все это. Только помыть посуду, прибрать и слегка протереть пол, больше ничего делать не нужно.

«Да, конечно, всего ничего».

Хозяйка ушла, но девочка так и осталась сидеть за столом.

– Ты не пойдешь спать? – открывая одну из шести нижних дверей шкафа, спросила ее Эмма.

Малышка только покачала головой, видимо, не собираясь ни с кем разговаривать. Светловолосая и голубоглазая – такая же, как и сама Эмма – девочка выглядела до жути осторожной и напряженной, хотя при этом в ее взгляде явно читалось любопытство.

– Ну, хорошо, тогда займемся делом, – вздохнула Эмма, заглядывая в шкаф и вынимая оттуда пластмассовую чашку. – Кажется, нашла. Правда, понадобится еще одна такая же, а ее почему-то не видно. Ты не знаешь, случайно, здесь нет второй такой же чашки?

Девочка потрясла головой.

– Ладно, черт с ним, обойдусь и так. Придется растянуть удовольствие, да еще и успеть при этом за час выдраить этот поросятник.

Эмма набрала в одну из кастрюль воду, а затем поставила ее на газовую плиту. Ультрасовременный дом со всем удобствами – тут и чугунная плита, и отполированные до блеска столешницы и ситцевые скатерти. И маленький ребенок.

Она непроизвольно шмыгнула, вспоминая, как всего несколько минут назад младенец обнимал свою маму за шею. Ей такое узнать никогда не придется. Никогда она не будет кормить грудью, качать на руках своего ребенка, никогда не будет петь колыбельные и читать ему на ночь сказки. Когда в доме есть малыш, даже на кухне пахнет иначе. Как же хочется бросить все и сбежать!

Девочка за столом пошевелилась, привлекая к себе внимание, и Эмма оторвалась от своих грустных мыслей.

– В ванной есть чашка, – хрипловатым голосом вдруг сказала младшая хозяйка. – Я принесу.

– А для чего ее используют обычно? – улыбнулась Эмма, чувствуя, что мышцы лица с трудом слушаются ее.

– В ней купают Диану, – ответила девочка.

Эмма засмеялась, прогоняя слезы и пытаясь при этом не обидеть свою помощницу.

– Диана – это младенец на руках у хозяйки? – уточнила она.

– Да.

– Спасибо за то, что хотела помочь, но в таком случае чашку лучше оставить в ванной.

Та лишь пожала плечами, возвращаясь к своей прежней

апатичности. Эмма подумала, что девочка совсем расстроилась, но малышка продолжала сидеть и наблюдать за ней, делая при этом вид, что она смотрит исключительно на скатерть.

Пока грелась кастрюля с водой, Эмма собирала грязную посуду на один край стола. Хозяйка не притронулась ни к одной из тарелок, и теперь ей пришлось ходить по всей кухне, переносить стопки испачканной посуды и собирая мутные стаканы на поднос.

Мыть все это пришлось, разбавляя вскипяченную воду с водопроводной. В тазу Эмма развела горсть муки, а потом засучила рукава и принялась отмывать собранные на столе тарелки. Девочка при этом все еще не двигалась с места, и такая неподвижность уже начинала беспокоить Эмму, но она боялась заговорить с этим ребенком. Хрупкое и маленькое создание притаилось за столом, словно испуганный котенок, которого лишили природной смелости. Чтобы не разрушить это подобие мира и спокойствия, Эмма решила делать вид, что не замечает девочку. Все равно поговорить с ней не представлялось возможным, а вовлекать ее в дела она не хотела.

Наблюдательница не пошевелилась и тогда, когда Эмма вынесла скатерть, чтобы вытряхнуть ее на улице. Когда она вернулась, предполагаемая София так и сидела на прежнем месте. Дальше пришлось вылить остатки горячей воды в ведро, а потом добавить воды из крана и приняться за пол. Передвигаясь почти на коленках, Эмма следила за ножками девочки. Они висели в воздухе, словно лишенные жизни и

энергии. Обычно дети качают ногами или предпочитают хоть как-то двигаться, но девочка просто сидела, даже не потрудившись найти удобное положение. Боясь прикоснуться к ней, Эмма осторожно помыла пол между ножками стула, на котором сидела загадочная малышка. Ей казалось, что если она попросит девочку сдвинуться или пересесть, случится что-то плохое.

Наконец, работа была закончена, и у нее оставалось еще целых десять минут. Эмма сверилась по настенным часам, а потом прошла обратно к кухонному столу и забрала свой платок, которым вытерла руки после того, как с полом было покончено.

– Кажется, все сделано, – чувствуя, как сбилось дыхание, подвела итог она.

Стол пришел в идеальное состояние, посуда была разложена по полочкам, кружки висели на своих законных крючках, а на полу больше не было пятен и крошек.

– Пойду-ка я, скажу, что все уже закончено, – глядя на малышку, улыбнулась она.

– Я София, – так же неожиданно сказала девочка, поднимая грустные глаза.

– Очень приятно, – стараясь не выдавать странно поднявшееся в груди волнение, еще раз улыбнулась Эмма. – Я Эмма.

– Вы знаете, как зовут Диану, а она даже говорить еще не умеет, – отворачиваясь от нее, объяснила София. – А я

умею, так что если вы меня позовете, я откликнусь.

Почему у нее такой хриплый голос? Было похоже, что София очень мало разговаривает.

– Я рада, что ты сказала, как тебя зовут, – заверила ее Эмма. – Если честно, то я догадывалась, что твое имя София. Очень красивое, тебе подходит.

Малышка не повернула головы и даже не вздрогнула, но Эмма увидела, как опустились ее ресницы.

Ждать больше было нельзя, и она вышла из кухни, чтобы предупредить хозяйку и забрать свои деньги.

София лежала в кровати, слушая приглушенные голоса взрослых. Внизу тетя Ирена и дядя Шерлок разговаривали о своем и сюсюкали над Дианой. Филипп спал на другой кровати, у самого окна, и ему было все равно, что происходит в доме.

Было бы хорошо, если бы тетя Ирена позволила ей встретить дядю Шерлока вместе с ней, но почему-то так было нельзя. Софию отправили спать, предварительно заставив помыться в ванной. Она хотела сказать, что не устала, и спать ей не нужно, но спорить с тетей было бесполезно. К тому же, лишний шум мог бы разбудить Диану, и тогда тетя начала бы плакать и ругаться. Нет, лучше встретиться с дядей завтра.

София перевернулась на спину и натянула простыню до подбородка, перебирая при этом ножками и пытаясь выпростать ступни на воздух. Ночью было тоже жарко, почти как

днем. Она прикрыла глаза, вспоминая все то интересное, что произошло за день.

Ах, какая красивая тетенька приходила сегодня вечером! В штанах и на каблуках. Она не трогала Софию, не заставляла ее помогать и даже ни о чем не спрашивала. Вот бы она всегда приходила вместо Инесс. Филипп сказал, что скоро у Инесс появится маленький, и тогда она перестанет приходить. А что если теперь каждый день будет приходить та тетенька?

Эмма. Э-м-м-а. Важное, серьезное и мягкое имя. Даже какое-то теплое. Она, наверное, и сама такая – у нее круглые плечи, белые руки, большие ладони. Было бы замечательно хоть разок потрогать такие руки. Наверняка они не такие холодные и костлявые, как у тети Ирены. Нет, такие руки должны быть тоже мягкими и теплыми. Даже если Эмма схватит кого-нибудь, то этому человеку не должно быть очень больно. Ну, по крайней мере, не так больно, как бывает, когда тетя Ирена хватается за плечо.

Эмма. Интересно, а Филипп тоже ее видел? София завертелась, пытаясь разглядеть спящего брата. Что он скажет об этой тетеньке? Филиппу все не нравятся, он всегда сердитый и даже иногда толкается или кричит. Но София знала, что на самом деле он добрый и хороший. Просто ему приходится быть злым. Как ей приходится быть тихой и все время молчать. На самом деле ей хочется говорить без умолку и задавать вопросы, но ведь нельзя же! Диану легко разбудить или

испугать, а потому нужно держать рот на замке.

Рот на замке. Какое странное слово говорят эти взрослые. И где ключ для рта? На что он похож? София ни разу его не видела, и ей было даже смешно от таких слов.

Глава 3

– Ну, как съездила? – уже в понедельник вечером спросила Мэйлин, которая только что вернулась с работы. – Что нового?

Эмма покачала головой, отпивая немного кофе из своей кружки. Они сидели в общей гостиной, где все соседки могли обмениваться новостями, сплетничать и хихикать. Иногда это заведение напоминало Эмме дом престарелых, только здесь жили одни молодые девушки. У каждой из них была своя комната, но завтракать они спускались в общую столовую – за это приходилось платить дополнительные деньги. Еще была общая гостиная, сплошь заставленная креслами и диванами. Чтобы девицы могли поднимать дух и питать свои моральные силы, подкрепляя их благотворным общением друг с другом. Здесь же нужно было принимать ухажеров, если они, конечно, были. К счастью, Мартин ни разу не добирался до этой комнаты – Эмма встречала его у дверей, и они сразу же уходили куда-нибудь.

– Ничего нового, – облизывая губы и уже не заботясь о своей ярко-красной помаде, сказала она. – Все как всегда. Как твои выходные?

– Ездил с Паулем за город. Хотела пригласить кого-то еще, но он не разрешил.

– И как все прошло? – лукаво улыбаясь, спросила Эмма.

Она уже давно ждала, что Мэйлин обручится и похвастается ей колечком.

Вместо этого Мэйлин нахмурилась, поджимая губы и давая понять, что ничего особенного не произошло.

– Так же, как и у тебя – все как всегда, – посмеиваясь, ответила она. – Признать по чести, я этому даже рада. Ни к чему мне сейчас замужество, мне вполне уютно и здесь. Вот, и завтраки с ужинами готовят за меня, и вещи стирают – только успеваю в прачечную носить. Остается только работать и платить по счетам. Хорошо живетесь мужчинам, да? Они всю жизнь, десятилетиями так живут. Не то что мы – года два-три побаловались, а потом замуж, и начинается... стирка, уборка, готовка, потом сопельки и каша... а потом ты не помещаешься в обхват мужниных рук, и тебе уступают место в трамвае.

– Тебе и так уступают место, – заметила Эмма.

Мэйлин выглядела так, словно ее выточили из китайского фарфора и расписали тонкой кисточкой. Изящная, тонкая, грациозная – ничего лишнего или вульгарного. Неудивительно, что Пауль относился к ней так, словно она была хрустальной балериной.

– Нет, я о том, что место начнут уступать даже молодые девушки, а не просто мужчины и парни. А потом глядишь – для тебя высвободили место на скамеечке, где старушки грызут арахис и распекают на все корки молодых и красивых.

– Ну, допустим, обойдешься ты без стирки и сопелек, –

возразила Эмма – а дальше что? Все равно же стареть начнешь.

– Начну, конечно, только не так скоро. Не пойми меня превратно, но я не хочу стать домработницей, не успев при этом повидать хоть что-то.

– Мэй, тебе всего двадцать три, – покачала головой Эмма. – Успеешь ты еще повидать свое хоть что-то, не бойся.

В ответ Мэйлин закатилась беззвучным смехом, хлопая Эмму по колену и вздрагивая всем телом.

– А я и забыла, что мне всего двадцать три. Чувствую себя старухой, честное слово.

– Это общая гостиная на тебя навевает такие ощущения. Лучше пойдем, прогуляемся, – предложила Эмма, поднимаясь с кресла.

– Да куда же? Уже восьмой час, через сорок минут придут девчонки с фабрики, и тогда, чтобы дожидаться очереди в ночной душ тебе придется сидеть в коридоре до утра.

– Наплевать, пойдем, у меня голова гудит, нужно развеяться. Если что, умоемся на кухне, Присцилла нас впустит.

– А чулки стирать тоже будем на кухне? – жалостливо глядя на нее снизу вверх, спросила Мэйлин.

– Я куплю тебе пару чулок на завтра, плакса ты моя ненаглядная, – подхватывая подругу под руку, засмеялась Эмма. – Хотя я не понимаю, кто носит чулки в такую жару. Умереть можно. Или расплавиться прямо в этих самых чулках.

У Мэйлин даже загорелись глаза:

– Купишь новые? Прямо блестящие, из чистого нейлона?

– Да, черные, в крупную сетку или даже с розочками по бокам.

– Фу, такие только на сцену надевать... сама знаешь, на какую сцену, – махнула рукой подруга. – Давай лучше с полосками сзади.

– Давай дойдем до магазина, и там выберешь. У меня есть деньги на любые чулки, только уйти бы отсюда.

– Ты хоть губы подкрась, – останавливаясь на самом пороге гостиной, посоветовала Мэйлин. – На вот, держи зеркало.

Эмма отвернулась к стене, вынула из сумочки помаду и взяла заботливо открытую пудреницу. Для Мэй опрятность всегда значила очень многое – она следила за собой как никто другой, регулярно выстирывала все платочки и при этом умудрялась покупать новые почти каждую неделю.

Эмма вернула ей пудреницу, и Мэйлин одобрительно кивнула:

– Теперь другое дело. А то вышла бы сейчас на люди...

Они миновали коридор и вышли на оживленную вечернюю улицу. Большой город продолжал кипеть даже сейчас, и Эмма была рада тому, что вокруг постоянно ходят люди. В темное время они уже не спешили и не грубили, как это было днем. Молодой человек, который утром мог толкнуть локтем, пробегая к своей станции метро, вечером вполне свободно останавливался, пропускал вперед и даже делал комплименты. Так уж было заведено, и никто ни на кого не оби-

жался.

Она не спрашивала, почему Мэйлин не дожидается своего Пауля, и сама не горела желанием рассказать о том, что Мартин предупредил ее по телефону о своих срочных планах по работе. Этим летним вечером они обе были вольны идти куда угодно.

– Ты постоянно говоришь «уйти бы отсюда, уйти бы отсюда», – говорила Мэй, шагая по улице и даже не оглядываясь на витрины. – А знаешь, откуда тебе нужно сбежать на самом деле?

– Не знаю, скажи, – тоже глядя прямо перед собой, попросила Эмма. Ей действительно было интересно, что скажет подруга.

– Тебе нужно уйти от своих мыслей. Сбежать от того кошмара, который ты носишь с собой. Перебежки с места на место тебя не спасут – нужно лечить то, что внутри.

– И кто же меня вылечит?

– Не знаю. Но кто-то должен, иначе ты с ума сойдешь.

Эмма улыбнулась, не скрывая всколыхнувшейся внутри горечи.

– Я и так схожу с ума. Знаешь, в субботу ночью мама попросила меня поработать уборщицей у одних наших соседей...

– Поработать кем? – Мэйлин даже округлила свои миндалевидные глаза.

– Ну, так, ерунда, всего-то один вечер, – наморщила нос

Эмма. – Какая-то дочь какой-то ее подруги нуждалась в помощи, пришлось подменить.

– Рассказывай по порядку, – распорядилась Мэй.

– У мамы есть подруга. У подруги есть дочка. Дочка работает у наших соседей. Наша соседка вызвала ее посреди ночи, но эта дочка не могла приехать.

– И на ее счастье под рукой оказалась незамужняя и бездетная девушка, которая спала преступно сладким сном, в то время как другим людям приходилось страдать. Все ясно, твоя мама попросила тебя заменить ее.

– Именно. Так вот, там была девочка. Она сидела на кухне все то время, пока я мыла посуду и убирала весь этот порошок. Ей лет шесть, не больше. Такая красивая и милая... и еще очень печальная.

Мэйлин покачала головой, пресекая ее мечтательные мысли:

– Не вздумай привязываться к соседской девочке. Это может быть очень привлекательный ребенок, но у малыша уже есть мать. Материнская ревность не знает границ, если у тебя жадная соседка, она тебя со свету сживет, не сомневайся.

Эти слова подействовали отрезвляюще, но не удивили ее. Она и сама прекрасно знала, что нет смысла думать о девочке, у которой есть хорошая полная семья. И потом, разве она обратила бы внимание на ребенка, если бы не получила приговор за несколько дней до этого? Нет никаких сомнений в том, что интерес и теплота, которые она питает к этому ре-

бенку, связаны лишь с ее эмоциональным состоянием. Может быть, София и не так уж одинока? Вполне возможно, что Эмма просто хотела видеть малышку грустной и несчастной. Нужно забыть, просто собраться с силами и забыть.

– Ты права, – с трудом согласилась она. – Все верно, какое мне должно быть дело до ребенка, живущего в соседнем доме. Раньше мне бы и в голову не пришло запоминать ее.

Шедшая рядом Мэйлин ничего не ответила, но Эмма чувствовала, что ей есть еще что сказать.

– Ну, что ты все тоскуешь, – утешал ее Мартин на следующий вечер.

Они шли по набережной, наблюдая за тем, как на окраине города гаснут огни в окнах жилых домов. С ним всегда было хорошо на природе и неловко в обществе. В кино они ходили часто, но Эмма просто боялась сказать ему, как ей не нравятся подобные походы. Она берегла его чувства, но, казалось, что он не собирался отвечать ей тем же.

– Я уже не тоскую, – солгала она, стараясь улыбаться, а не скалиться.

– Обманывай других, – вздохнул он, расстегивая пуговицы слишком тесного жилета.

Пиджак он нес в одной руке, а в другой держал портфель, так что Эмме приходилось просто шагать рядом, надеясь, что их не примут за брата или сестру. Остальные пары в это необычайно эмоциональное послевоенное время старались

держаться за руки, но ее устраивало почти все.

Грустным было то, что сейчас, меньше чем через неделю после того, как она получила заключение врачей, Мартин, кажется и думать забыл о ее боли. Теперь он упорно делал вид, что ничего страшного не случилось. Такого легкого отношения ей хотелось тогда, а сейчас подобная игра казалась лишь холодностью и нежеланием вникать в ее проблемы.

– А я и не обманываю, – уже понимая, что сопротивляться бесполезно, все-таки возразила Эмма.

Он лишь пожал плечами, давая понять, что ее слова были услышаны.

– Что у тебя на работе? – спросила она, стараясь отвлечься.

– Как обычно. Стране нужны рабочие руки, а их нет. Точнее, у нас острая нехватка. Сказали, что на следующей неделе отправят в тур по провинции, вербовать новых рабочих.

– Так ведь еда нужна даже больше, чем вся эта промышленная ерунда, – хмыкнула Эмма. – Получается, твое начальство хочет отвлечь фермеров от земледелия в угоду несъедобным безделушкам?

Мартин даже не повернулся к ней, но напрягшиеся желваки просигналили о том, что она сказала нечто неправильное.

– А может, наши безделушки помогут производить больше еды? – через некоторое время сказал он. – Кто знает, может, промышленность важнее землеройства?

Ясно. Высказавшись о его работе уничижительно, Эмма

оскорбила и его. И почему о работе, половина которой была чистой политикой, говорить безразлично и пренебрежительно нельзя, а об ее ущербном теле можно?

– Пока что мы этого не знаем, – вздохнула она, забыв при этом посмотреть на него.

Когда Эмма исподволь наблюдала за ним, Мартин казался расслабленным и спокойным, но стоило ей отвлечься, как он тут же переложил пиджак на ту же руку, в которой держал портфель, а другой коснулся ее плеча.

– Что с тобой? – спросил он, и его пальцы обожгли ее даже через плотную ткань цветастого платья.

Эмма пожала плечами:

– Ты был прав: я все еще грущу. Дай мне немного времени и не слушай того, что я говорю. Кажется, я сейчас просто не способна сказать что-нибудь интересное или разумное.

– Скажи мне, что именно тебя тревожит? – вдруг проявляя неслыханную щедрость, попросил он. – Ты боишься, что мы не поженимся? Какие глупости, Эмма, все будет в порядке. Я уверен, твой врач ошибся.

Уж если с кем-то и нужно было быть честной, так это с ним.

– Нет, Мартин, мой врач сказал правду. Меня тщательно обследовали в нескольких клиниках, и я знаю точно, что диагноз верный.

– Не может быть, Эмма. Разве в твоей семье бывали такие случаи?

– Наследственность роли не играет. Если таких и не было до сих пор, то я стану первой. И поэтому ни к чему наши прогулки, сам понимаешь. Придется нам расстаться.

Она постаралась придать своим словам как можно больше убедительности, но, видимо, получилось не очень хорошо.

– Что за бред, – сквозь зубы процедил Мартин. – Что за чертов бред ты сейчас несешь.

– Если ты хотел сказать «Я не собираюсь тебя бросать, потому что слишком сильно люблю», то получилось очень интересно, – вяло заметила она.

– Я хотел сказать, как тебе только в голову могла прийти такая фантастическая ахинея, – даже с какой-то злостью повторил Мартин.

– В таком случае я тебя поняла, – улыбнулась Эмма, проходя вперед и стряхивая его руку со своего плеча. – Ты обязательно встретишь ту, что будет говорить лишь умные слова.

Она не оглядывалась, но знала, что Мартин за ее спиной остановился.

– И ты уйдешь, даже не поцеловав меня на прощание? – раздалось за ее спиной.

Голос был каким-то неестественно хриплым и срывающимся, и Эмма даже остановилась.

Пришлось развернуться, что уже само по себе было ошибкой – стоило идти без оглядки.

– А кого обманывать этими поцелуями? – спросила она,

глядя в его растерянные глаза.

– Разве ты меня не любишь? Поцелуй стал бы ложью только в том случае, если я тебе безразличен.

– Поцелуй бы сказал, что я собираюсь остаться с тобой, в то время как это не так.

– Ну, хватит драматизировать, Эмма, большой беды не случилось.

– Еще не случилось, – согласилась она, невзирая на то, что внутри у нее все протестовало. – Но все только начинается, поверь. Уж лучше уйти до того как крыша рухнет прямо на твою голову. А еще я люблю себя гораздо больше, чем тебя, и поэтому не буду сидеть и ждать, когда ты скажешь, что хочешь своего ребенка.

– Я, если честно, вообще об этом не думал, – признался Мартин, опуская руки. Пиджак свесился до самой земли, и вид у него был просто жалкий.

– Как подумаешь, позвони. Ты знаешь номер приемной.

– Да что же я сделал? – совсем возмутился он, начиная двигаться к ней навстречу. – С чего это вдруг ты так завелась?

Он действительно ничего не понимал, но это было даже проще. Ей не хотелось все объяснять и обвинять его, лучше было остаться непонятной и сумасшедшей девицей, страшным воспоминанием из прошлого или обычным недоразумением. Зачем портить жизнь молодому человеку? После войны в каждой семье рождается по три ребенка за пять лет, ра-

но или поздно бездетная пара почувствует пустоту и желание обзавестись собственным потомством. Если сейчас она сможет убедить его в своей неадекватности и глупости, то дальше он забудет о ней и найдет ту, что сможет родить ему здоровых малышей.

Ее мир сжался вокруг одного отрицания, и Эмма сама не понимала, как много она упускает из виду.

«Я не смогу иметь детей». Мысль поселилась в ее мозгу, паразитируя на ее душе и вытесняя все остальные светлые моменты. Эмма замкнулась в своем горе, не замечая того, что жизнь состоит не только из семейного счастья.

– Ты забыл о том, что мне сейчас очень тяжело, – не слыша своего голоса и намеренно причиняя ему боль, сказала она. Решение пришло быстро, но думать о расставании она начала уже несколько дней назад. – Ты говоришь тут о своей работенке, не думая, что мне, может быть, совсем это не интересно. Найди ту, что будет готова слушать тебя с раскрытым ртом и хлопать глазками как полная идиотка. Прости, Мартин, я тут подумала и поняла, что я не смогу всю жизнь притворяться беспросветной тупицей только ради того чтобы ты чувствовал себя умным.

Ложь и правда слились в ее словах в одно целое, и она сама уже не понимала, как отличить одно от другого. Растерянность в глазах Мартина сменилась разочарованием, а затем и болью. Не дожидаясь, пока он заговорит вновь, Эмма развернулась и побежала вперед.

София сидела на крыльце, болтая короткими ножками, которые еще не доставали до земли. На улице было тепло и темно, в воздухе пищали комарики, и по временам ей приходилось хлопать себя по плечам, отгоняя надоедливых насекомых.

Шерлок подкрался к ней со спины, а затем нарочно шумно опустился рядом, пачкая в пыли свои идеально отглаженные брюки.

Малышка не испугалась – она знала, что это мог быть только он. Вместо страха на ее лице зажглась чистая радость, и она улыбнулась ему так светло, как только могут улыбаться маленькие девочки.

– Дядя, ты меня напугал, – хихикая, подыграла ему она.

– А чего ты тут одна сидишь? – сгребая ее в охапку и усаживая к себе на колени, спросил он. – Я уже столько времени дома, а ты все еще ни разу не обняла своего любимого дядюшку. Хочешь меня обидеть?

– Нет, что ты! – испугавшись, что он и вправду обидится, София привстала и торопливо поцеловала его колючую щеку.

Маленькие мягкие руки сомкнулись за его шеей, и Шерлок осторожно обнял ее, прижимая к себе.

– Расскажи мне все новости, маленькая плутовка, – прошептал он, когда она вновь сползла и уселась на его коленях.

– Вчера приходила красивая тетя, – первым делом сооб-

щила София.

Эмма не шла у нее из головы, и она постоянно вспоминала об этой большой и модной незнакомой женщине. Многочисленные гости, оставившие после себя целую гору немытой посуды, из-за которой плакала тетя Ирена, оказались за пределами избирательной детской памяти.

– Хорошо, что не дядя, – хохотнул Шерлок. – Так что за тетя?

– Желтые волосы, синие штаны, большие руки... – мечтательно перечислила София, глядя на розовые кусты, которыми была загромождена почти половина двора. – Она вместо Инесс пришла.

– Штаны? – удивился Шерлок. – Что за тетя наденет штаны в такую жару? Если бы я не был дядей, то непременно носил бы платья, чтобы ветерок обдувал мне ноги, – пошутил он.

София тихонько засмеялась, прикрывая рот рукой. Шерлок закрыл глаза, чтобы не видеть эти напряженно подобранные плечи, которые рассказали больше всяких признаний. Малышка научилась смеяться беззвучно. Разве так можно? Ей же всего пять лет. А что если она и плакать умеет беззвучно? Шерлок покачал головой, целуя светлую макушку и пытаясь не думать о плохом.

– Короткие штаны, – отсмеявшись, уточнила тем временем София. – И рубашка в клеточку.

– Хмм, модная тетя, – задумчиво протянул Шерлок.

– И добрая.

– Как ты узнала?

Разговаривать с подругами Ирены детям запрещалось. Филипп, конечно, всегда нарушал эти правила, но София, боясь гнева хозяйки, старательно чтит все запреты. Еще один укол под левое ребро.

– С ней можно, она мыла посуду, – доверительно сообщила София. – И потом, я только сказала, как меня зовут. Она не спрашивала ничего и совсем на меня не ругалась. Она добрая. Жалко, что я ее больше не увижу.

– А хотела бы? – поинтересовался он, вдыхая запах детской кожи и стараясь держаться осторожно.

– Конечно, – уверенно закивала София. – Я плохая, – неожиданно сказала она, почти с той же решимостью.

– Это еще почему? Тетя Ирена тебе сказала? – уже начиная злиться на свою жену, требовательно спросил Шерлок.

– Потому что... потому что я не хотела, чтобы Инесс приходила сегодня. Я хотела, чтобы пришла Эмма.

Его плечи расслабленно опустились. Никакого отношения к Ирине эти детские выводы не имели, что уже само по себе было хорошо.

– А Инесс, негодница этакая, взяла и пришла сегодня, пока нас не было, – возвращаясь к своему веселому настроению, заключил Шерлок. – Но вот в чем дело, малютка, если Инесс не будет приходить, в доме у нас будет настоящий... – он остановился, подбирая подходящее слово.

– Поросятник? – даже с какой-то надеждой предложила свой вариант София.

– Кто тебя научил такому слову? Та самая красивая Эмма? – нарочито строго спросил Шерлок, сжимая ладонями ее бока.

София отлично различала притворный и настоящий гнев, а потому просто потрясла головой.

– Нет, она не учила. Просто сказала.

Шерлок зашелся смехом, обнимая племянницу и думая о том, что пока Диана еще совсем маленькая, ему нужно проводить как можно больше времени с Софией. Она была такой трогательной, нежной и теплой, что у него помимо желания подкатил комок к горлу. Эта чудесная добрая девочка не получала той любви, которую заслуживала в действительности. И исправить это было некому.

Глава 4

Инесс не скрывала своего положения от окружающих, поскольку не относилась к особам, страдающим излишней скромностью. Однако ей также не хотелось использовать свою беременность в качестве льготного пропуска. Поэтому, будучи уже на пятом месяце беременности, она продолжала работать и ухаживать за чужими детьми.

К слову сказать, дети были не просто чужими – иногда ей казалось, что они вообще ничьи. Малышка София и хулиган Филипп каждый день радовали ее новыми сюрпризами, так что в конце рабочего дня ей приходилось еще и выслушивать очередную порцию жалоб от хозяйки. Ирена была отличным работодателем – она всегда вовремя платила за работу, предупреждала о выходных заранее и щедро оплачивала сверхурочные, которых в последнее время стало больше. Однако у этой дамочки был целый свод законов, которые Инесс приходилось блюсти с почти суеверным ужасом.

Во-первых, она никогда и ни под каким предлогом не должна была притрагиваться к Диане. Ирена любила свою дочь больше всех на свете и охраняла младенца сверх всякой меры. Ей казалось, что любая женщина, которая приближалась к малышке, непременно была носителем вредоносных идей. Еще хуже была материнская ревность – Ирена не выносила, если Диана улыбалась кому-то постороннему или спо-

койно сидела на руках другого человека. Исключением, возможно, являлся ее супруг Шерлок, но его Инесс также никогда не видела. Причиной такой загадочности была все та же ревность, ибо во всем, что касалось ее семьи, Ирена придерживалась достаточно резкой политики и подобно сторожевому псу пресекала все попытки нарушить эту суверенность.

Во-вторых, опоздания и прочие недочеты карались со всей жестокостью. Нет, Ирена никогда не уменьшала сумму заработной платы в качестве наказания, но она могла сделать нечто другое – отчитать за промах, долго и нудно расписывая все губительные последствия «безалаберности». Учитывая то, что обладала она весьма тонким голосом, подобные лекции нередко превращались в полный кошмар.

И последним недостатком работодателя была нестабильность. Отдавая всю себя только Диане, Ирена не успевала справляться и с десятой долей хозяйства, и все эти обязанности ложились на плечи нанятой прислуги, коей и являлась Инесс. Такое случалось нечасто, но бывали дни, когда ее вызывали под вечер или ранним утром, и в такие моменты она должна была бросать все дела и бежать в дом к строптивой хозяйке, дабы без промедлений выполнить все капризы оной.

Понимая, что в крохотном провинциальном городке девушке без образования рассчитывать больше не на что, Инесс терпеливо сносила все лишения и проглатывала обидные слова. Скорее всего, подобная кротость объяснялась на-

деждой на лучшее – Макс обещал ей, что уже через месяц сможет перевезти ее в новый дом, после чего она уволится и станет готовиться к родам. Они усердно копили деньги на новую жизнь, и теперь, когда эта самая новая жизнь должна была появиться на свет в ближайшем будущем, молодым супругам нужно было поторапливаться.

Покидая рабочее место в пятницу вечером, Инесс зашла к своей соседке Эмили, чтобы попросить ее о помощи.

В прошлые выходные дочь Эмили, загадочная городская девушка Эмма, которая по слухам была весьма самостоятельной, красивой и решительной, заменила ее на посту вечной горничной и воспитательницы. Это уже само по себе было замечательно, но еще более удивительным оказалось то, что Ирена осталась всем довольна.

Поэтому, сейчас, стоя перед ухоженной белой дверью, Инесс точно знала, о чем заведет речь.

– Добрый вечер, – вежливо поприветствовала она хозяйку, когда дверь открылась.

– Детка, – искренне обрадовавшись, улыбнулась та. – Ты в порядке? – Она окинула взглядом уже заметно выдававшийся из складок свободного сарафана живот Инесс. – Проходи скорее.

– Я на минутку, – отвечая ей неловкой улыбкой, отказалась Инесс. – Мне действительно неудобно, но я к вам пришла с просьбой. – Здесь она говорила чистую правду: ей было по-настоящему стыдно. – Просто моя хозяйка Ирена ска-

зала, что завтра я должна прийти в десять часов. Завтра суббота, и я надеялась, что смогу успеть на прием к врачу. Мой доктор принимает по субботам только в первой половине дня, а я и так уже просрочила визит на две недели... В общем, я пришла просить, вас о том, чтобы... нет, Боже, как же сложно подобрать правильные слова.

– Эмма придет только завтра утром, и я не могу сразу же отправить ее на работу. Если бы Ирена согласилась подождать хотя бы до обеда...

Ситуация показалась уставшей и измученной Инесс почти безвыходной, и она опустила голову, стараясь не заплакать. Беременность изменила ее характер, она стала эмоциональнее, и теперь ей было сложно скрывать свои настоящие чувства.

– Хорошо, я все поняла. Простите меня, пожалуйста, – понижая голос, чтобы скрыть подступающие слезы, сказала она.

Из-за этой работы она пропустила уже несколько приемов. А что если с малышом происходит что-то страшное? В последнее время Инесс страдала от учащенного сердцебиения, и это не прибавляло комфорта.

Проклятая нищета. Из-за вечного недостатка денег ей приходится работать, поправ собственную усталость и закрыв глаза на растущий живот.

– Детка, не плачь. Я поговорю с Эммой, может быть, она успеет. Я позвоню тебе завтра в восемь часов, в это время

она уже будет здесь. Ты вполне успеешь к врачу.

Жизнь вновь приобрела смысл, и Инесс выдавила из себя улыбку.

– Спасибо. Я обязательно зайду в воскресенье и поблагодарю ее лично. И если нужно, я отдам все свое жалование за прошедшую неделю.

– Ну, что ты такое говоришь, – тепло обнимая ее за плечи, сказала Эмили. – Эмма будет рада тебе помочь.

Дорога к дому на сей раз далась ей проще, чем в прошлую субботу. В автобусе не было никаких плачущих детей, а тротуары оказались пустыми и безлюдными. Очевидно, горожане пользовались началом выходного для того чтобы как следует отоспаться.

Эмма несла матери большую сумку, ремень которой натирал плечо даже через толстый ситец простой рубашки. Два дня назад она получила зарплату, в связи с чем они с Мэйлин совершили вечерний набег на ближайшие магазины, купив все то, о чем просила Эмили еще в начале мая. Полотенца с вышивкой, пластмассовые кувшинчики и обычные парафиновые свечи были задвинуты в один угол сумки, в то время как в другом Эмма сложила все редкие фрукты, песочное печенье и три средние пачки самого лучшего сливочного масла. Все это великолепие следовало принести домой в целости и сохранности, но после долгой дороги она уже ни в чем не была уверенна.

Вчера вечером она позвонила матери, чтобы уточнить в какое время лучше приехать. Ответ Эмили несколько ее озадачил – по ее словам, она должна была сесть на первый же экспресс, чтобы уже к восьми часам прибыть в родной город. К чему такая спешка? Задавать вопросы Эмма не любила, и потому покорно согласилась со всеми требованиями, а затем повесила трубку. Мэй, конечно, возмущалась, но пришлось объяснить ей, что у Эмили ничего не бывает без особой причины.

Все оказалось куда интереснее, чем она могла предположить. Выяснилось, что той самой непонятной Инесс снова нужна была помощь, и на сей раз даже больше, чем на прошлой неделе. Срочность имела такой высокий приоритет, что Эмме даже не разрешалось отдохнуть после дороги. Поэтому, оставив в гостиной все еще запакованную сумку со всеми многочисленными покупками, Эмма наскоро позавтракала и отправилась к уже знакомому дому, ненавидя всех и каждого.

Дверь и на сей раз открыл мальчик, и Эмма даже подумала, что у него, наверное, такая обязанность – встречать всех, кто приходит.

– Опять вы? – без особого интереса спросил он, все же сторонясь и давая ей дорогу.

– Да, опять я.

– Снова вместо нее?

– И здесь угадал, – кивнула она. – Хозяйка дома?

– Да. Она ждет кого-то из вас в гостиной. Дорогу найдете или провести? – почесав затылок, осведомился мальчик.

– Найду.

Нехитрая планировка дома позволяла за один короткий визит запомнить, какие комнаты располагались на первом этаже. Стараясь не топтать слишком громко, Эмма добралась до гостиной, в которой и нашла Ирену, сидевшую на диване и игравшую с младенцем.

Не глядя на нее, но, очевидно, услышав, что к комнате подошел взрослый человек, Ирена сразу же начала:

– Ты пришла рано, но так даже лучше. Сегодня тебе придется поработать чуть побольше. Скопилось довольно много стирки, в том числе и постельное белье. Еще нужно приготовить обед и сделать так, чтобы завтра утром у меня не было проблем с завтраком. Детям нужно хорошо питаться, деньги есть, а времени на готовку совсем не остается. Еще у Софии под кроватью завелась какая-то мерзость, нужно успокоить девочку и попросить ее избавиться от животного. У нас тут совсем маленькая Диана, ни к чему разводить заразу.

– Что-нибудь еще? Какие-то пожелания касательно обеда? – спросила Эмма, пытаясь выяснить детали. Работать на кухне два часа только ради того чтобы получить кучу замечаний и полезной информации касательно предпочтений этой довольно капризной дамочки, ей не хотелось.

Только после этого хозяйка удосужилась поднять голову и посмотреть на нее.

– Простите, я думала, что это Инесс. На обед... я дам вам денег на мясо и овощи, было бы прекрасно, если бы вы приготовили что-то в этом духе.

В каком таком духе должен было приготовить обед, Эмма понимала слабо.

– У вас есть духовка? – пытаюсь получить хоть какой-то внятный ответ, спросила она.

– Конечно, у нас есть духовка! – даже возмутилась женщина. – Мой муж позаботился о том, чтобы у нас было все самое лучшее.

– Тогда я попробую запечь мясо с картофелем, – вздохнула Эмма.

– Нужно не пробовать, а сделать... – недовольно поправила ее работодательница. – И желательно сделать хорошо.

Часть той ненависти, которую она питала к Инесс, испарилась, уступив место искреннему состраданию. Если девушке приходится работать у такой грубоватой хозяйки, то ей остается только посочувствовать.

Эмма кивнула, не особо надеясь на то, что хозяйка это увидит, а затем удалилась. Для начала нужно было собрать белье. Она уже отходила от двери, когда в спину ей донеслось:

– Все, что нужно постирать, вы найдете в корзинах. Их три штуки, стоят вдоль стены.

Первые по-настоящему точные и дельные слова Ирены вогнули Эмму в состояние, близкое к шоку. Однако делать бы-

ло нечего – пришлось проигнорировать ноющие и уставшие ноги, а затем отправиться на поиски трех корзин.

Стирать нужно было вручную, поскольку стиральную машину в этом прекрасно оборудованном доме Эмма не нашла. Как выяснилось через час, Ирена просто забыла показать ей путь в чулан, где и покоилась сия полезная вещь. К этому времени Эмма уже успела выстирать примерно половину, так что смысла выволакивать и подключать к сети металлическую бочку с электроприводом, уже просто не было.

Она так увлеклась работой, что лишь к самому концу, когда собрала все выстиранное белье в огромный таз и собралась развесить все это на заднем дворе, увидела Софию, осторожно притаившуюся за самой дверью. Глазки-бусинки смотрели на Эмму со смесью восхищения и страха, и она даже остановилась на мгновение, а потом и сама не поняла, с чего вдруг родилось такое решение, но все же предложила:

– Хочешь помочь мне?

София с любопытством поглядела на ожерелье из деревянных прищепок, красовавшееся на шее Эммы, затем перевела взгляд на таз, где покоились скрученные в тугие жгуты простыни, и лишь после этого едва заметно кивнула.

– Хочу.

– Тогда идем со мной, – наклоняя голову набок и пытаясь вытереть воротником рубашки каплю пота со своей щеки, пригласила ее Эмма.

Девочка даже придержала перед ней дверь, пока Эмма вы-

носила таз с бельем, а затем встала рядом с ней, очевидно, не зная, что ей дальше делать.

– Я буду развешивать, а ты подавай, – объяснила Эмма, поправляя колючее ожерелье.

– Ладно, – чуть слышно и снова со странной хрипотцой ответила София.

Конечно, назвать это помощью можно было лишь с большой натяжкой – слабенькие ручки малышки едва ли были способны поднять из таза большую и утяжеленную водой простыню. Однако София стойчески терпела все неудобства, и каждый раз смешно морщила носик, когда мокрая ткань задевала ее лицо или плечи. Эмма решила, что лучше доверить ей ожерелье с прищепками.

– Тебе, наверное, совсем тяжело. Вот, тогда, держи прищепки. Когда я буду просить, просто подавай мне их по очереди. Попробуй снять одну.

София сосредоточенно закусил губу, и, придерживая одной рукой тряпичный шнур, на котором держались все эти «бусины», а затем слегка нахмутив брови и явно прилагая усилия, сняла одну прищепку.

– Получилось, – поднимая сияющие неподдельной радостью глаза, прошептала она.

– Тебе не будет тяжело делать это каждый раз? – сразу же спросила Эмма, заодно предупреждая: – Белья еще много, а прищепок понадобится еще больше. Сил хватит?

– Да, – без колебаний ответила София.

В результате, промучившись примерно пятнадцать минут, они вернулись домой, гремя тазом и прищепками.

Завершив все дела в ванной, Эмма отправилась на кухню, отметив, что маленький хвостик двинулся следом за ней. Стараясь держаться естественно и не пугать малышку, она сразу же заговорила, обращаясь к Софии.

– Посмотрим, что у нас есть? Нам же нужно понять, что купить в магазине. Так... – Она заглянула в шкаф, оценивая содержимое полок. В маленьких корзинках покоились остатки моркови и лука. Больше ничего обнаружить не удалось. Эмма посмотрела на часы, а потом повернулась к Софии. – Я сейчас сбегая в магазин и куплю еще кое-что, а потом вернусь.

Девочка ничего не ответила, лишь опустил глаза и явно расстроившись.

– Тебе ведь не будет скучно? – спросила Эмма, сомневаясь, стоит ли прикасаться к малышке. Ей хотелось бы погладить ее по светлым пушистым волосам, но она не решилась сделать это.

– Я здесь подожду, – ответила София, и при этом в ее голосе зазвучало даже какое-то упрямство.

Оставалось только кивнуть и отступить к выходу, надеясь, что София не слишком обидится на нее за бегство. Рядом с чужим ребенком Эмма чувствовала себя не очень комфортно. Наверное, все дело было в предостережениях Мэйлин, в ее трезвых словах о материнских правах и чувствах. Ради

собственного душевного равновесия нужно было держаться подальше от маленьких детей. Сейчас, когда она так уязвима, легче всего совершить ошибку и поддаться соблазну поиграть в заботливую мамочку для грустной маленькой девочки. Но, как бы то ни было, ни к чему хорошему такие спектакли не приведут, только хуже станет. Эмма набрала полные легкие воздуха, а потом медленно выдохнула. Нужно было собраться, отработать этот день, а потом уйти домой и постараться посмотреть три телепередачи кряду, не завыв при этом от тоски.

Она прошла в прихожую – там, на полочке трельяжа лежали приготовленные хозяйкой деньги. Тщательно пересчитав кучку разноцветных бумажек, Эмма вдруг вспомнила, что забыла взять с собой корзинку или хотя бы сумку. Конечно, в магазине могут дать бумажный пакет, но в их глухом городке нередко можно было наткнуться на вежливое и грубое одновременно: «Сегодня пакетов нет, закончились. Будут завтра». Так что подстраховаться было бы не лишним.

Пришлось вернуться к кухне, чтобы захватить лежавшую на одном из стульев корзинку с крашенными зелеными прутьями, которую она заметила пять минут назад. Когда она переступила порог, ее сердце замерло, и она чуть было не выронила деньги из рук.

София по-прежнему стояла на том же месте, где она ее и оставила. Ее голова была все так же опущена, а руки безжизненно висели вдоль тела. Словно этот ребенок испытывал

невероятную внутреннюю боль, парализовавшую не только тело, но и саму душу этого невинного создания. Эта странная неподвижность пугала Эмму больше всего, и теперь она ощутила горячее желание помочь малышке или хотя бы как-то ее утешить.

Она подошла к девочке и опустилась на колени.

– Если я попрошу твою маму отпустить тебя вместе со мной в магазин, ты пойдешь? – тихо спросила она.

София не дрогнула, но ответила, все так же глядя в пол.

– Да, пойду.

Нужно было найти хозяйку, и Эмма, преодолевая нежелание бродить по чужому дому, прошла к гостиной. Ее надежды оправдались, хозяйка была здесь, только теперь молодая женщина работала за гладильной доской, которую установила в центре большой комнаты.

Как только Эмма встала в дверях, хозяйка подняла голову и отложила в сторону утюг.

– Что случилось? – сдвинув идеально выщипанные и подрисованные брови, спросила она.

– Я хотела спросить, можно ли мне взять с собой в магазин вашу старшую дочь? – Только теперь, когда слова прозвучали отчетливо и ясно, Эмма поняла, как нагло и глупо звучит эта просьба. Впрочем, отступать было некуда, да и незачем, поскольку она уже заметила, что молчаливая София успела прийти следом за ней. Теперь она стояла совсем рядом и напряженно прислушивалась к разговору.

– Это не моя дочь. София моя племянница, и вы можете взять ее с собой, если вам этого хочется. – Впервые за все время женщина улыбнулась. – Только не потеряйте ее по дороге.

– Конечно, – почти с благодарностью пообещала Эмма. – Все будет хорошо, я обязательно приведу ее домой.

Когда они отошли от гостиницы, она повернулась к Софии и спросила:

– Ты не хочешь переодеться?

– Нет.

– Так и пойдешь в этом платье?

– Да.

– Ну, ладно. Это платье тоже неплохое, отчего бы в нем не пройтись...

До магазина нужно было идти примерно двадцать минут по нагретой летним солнцем асфальтированной дороге. Автомобилей в это время было мало, и они спокойно шли по обочине. Эмма постоянно поглядывала на малышку, слишком сильно боясь, что упустит ее из виду, и за это время с ней случится что-нибудь непоправимое. Хотя, что могло произойти на залитой яркими солнечными лучами и абсолютно пустой дороге?

В очередной раз, посмотрев на Софию, она заметила, что ее личико сморщено в уморительную гримасу – слепящее солнце заставляло девочку щуриться.

– Хочешь примерить мои очки? – спросил Эмма, огляды-

ваясь по сторонам и желая убедиться, что вокруг до сих пор нет ни души.

Большие очки с черными стеклами в толстой деревянной оправе висели на первой пуговице ее рубашки, и она даже забыла о них, увлеченная своей маленькой спутницей. Сейчас она сняла их, и, взяв в свободную руку, протянул Софии.

– А можно? – с сомнением глядя на дорожную вещь, осведомилась малышка.

– Конечно, можно. Я ведь сама предлагаю.

София еще немного посомневалась, а потом кивнула и осторожно взяла из ее рук очки. Они остановились прямо посреди дороги, чтобы ей было проще надеть их. Огромные темные стекла с закругленной нижней частью и прямой верхней линией сделали ее еще более забавной, но Эмма удержалась даже от улыбки.

– А теперь примерь-ка мою шляпу, – снимая с головы широкополую белую шляпу, сказала она.

Маленькая девочка превратилась в низенький белый грибочек, и ее голова почти исчезла за широкими и волнистыми полями.

Главной целью всех этих манипуляций была вовсе не игра, а стремление защитить детскую голову от слишком сильного жара и слепящего света.

– Ну, вот и хорошо, – довольно кивнула Эмма, вновь начиная шагать по дороге.

Когда они подходили к магазину, людей на дороге стало

гораздо больше. Все они оглядывались на Софию, а затем переводили взгляд на нее, и Эмма отвечала им широкой улыбкой. Так было нужно, и она не сомневалась, что люди поймут ее благие намерения.

Пока она стояла у прилавка, белый грибочек находился рядом, не шевелясь и не изъявляя желания убежать и поглазеть на витрины. Это ненормальное спокойствие удивляло и также немного беспокоило Эмму. Она не могла понять, с чем связаны такие странные взрослые привычки.

Купив все, что нужно и погрузив все это в корзинку, они отправились в обратный путь, и София при этом все еще скрывалась под белой шляпой. Насколько Эмма могла судить по ее подпрыгивающей и размашистой походке, малышке уже нравилось носить эти вещи. Ну, хоть на какие-то эмоции этот ребенок был способен.

Вспомнились слова хозяйки о неизвестном животном под кроватью Софии. Если уж она завела себе зверька, значит, проявляла инициативу и питала какие-то естественные детские желания. Котенок или щенок в таком возрасте были просто необходимы, и Эмма сама помнила, как ей хотелось, чтобы у нее был пушистый друг. В том, что София хотела иметь домашнего питомца, не было ничего плохого, проблема заключалась в том, что она могла запереть там мышонка или еще кого-нибудь, не приспособленного к домашней жизни. Такое положение вещей грозило укусами, чего допускать было нельзя.

Когда они прошли примерно половину пути, Эмма осторожно сказала ей, что хозяйке дома все известно о новом жильце.

– Это Стекляшка, она хорошая, – проявляя невиданное доселе красноречие, ответила София.

Она не отказывалась от признания и не увиливала, из чего Эмма сделала вывод, что она просто не считает свой поступок плохим.

– А кто такая Стекляшка? Это маленькая мышка? – спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно мягче.

– Нет, мышек у нас нет, дядя Шерлок их убивает, – с явным осуждением сказала София. – Это лягушка. Мы с ней познакомились в нашем саду.

Еще лучше. Под кроватью у Софии жила лягушка.

– И ей нравится там жить?

– Да. Я положила ей тарелку с водой.

– А что же она кушает?

– Я даю ей листочки.

– Лягушки не едят листочки, – заметила Эмма.

– Стекляшка тоже не ест.

– А зачем же ты ей их даешь? Ей же нужно чем-то питаться.

– Я не знаю, что можно ей дать. – В голосе Софии появились нотки отчаяния.

– Нужно просто отпустить ее, чтобы она сама нашла себе еду, – посоветовала Эмма, стараясь соблюсти интересы хо-

зыйки и при этом не обидеть девочку.

– Нет, – твердо сказала София.

– Иначе она может сильно проголодаться и заболеть, – продолжила Эмма.

– Нет, она убежит и не вернется. Я принесу ей покушать, она не будет голодная.

– Но как ты узнаешь, что ей нужно?

– Филипп скажет.

Филипп – это, наверное, тот самый мальчик, который всегда открывает дверь, а затем исчезает без следа.

– А если он не знает?

София вдруг остановилась, сняла с головы шляпу, а затем взяла в другую руку очки и протянула все это Эмме. Малышка обиделась и разозлилась, это было ясно по ее резким движениям.

– Он спросит у дяди Шерлока, потому что дядя все знает, – довольно-таки жестко сказала она и побежала к дому, оставив Эмму позади.

«Тетя Ирена и дядя Шерлок... Это настоящие имена или они просто так называют друг друга? Мало ли какими глупостями занимаются влюбленные. Было бы прекрасно, если бы у дяди был друг Джон и брат Майкрофт».

Эмма тяжело вздохнула и двинулась следом.

Глава 5

Холодный трупик Стекляшки покоился на дне белой коробки из-под старых туфель тети Ирены. Что она сделала неправильно? София вытирала носик подолом собственного платишка и всхлипывала, наблюдая за тем, как Инесс вынимает из ее тайника все драгоценности.

Пользуясь тем, что убирались в комнате не каждый день, София придумала хороший способ прятать вещи – она проползала под кровать и переворачивалась на спину, после чего складывала все свои драгоценности на специальную полочку. Посередине, между полом и самой кроватью, проходила небольшая доска, на которой можно было оставлять разные сокровища. Когда Инесс заглядывала под кровать, она смотрела только на пол, не догадывалась поднять взгляд чуть выше.

Теперь с этим было покончено – все камешки, кусочки красивого материала и особенно удачные рисунки Филиппа, которые он бездумно дарил ей, были извлечены на свет и валялись на полу как кучка мусора. Однако все это интересовало Софию меньше всего – сейчас все ее мысли были заняты только Стекляшкой.

– Она умерла? – глядя на то, как Инесс тычет в бок Стекляшке абсолютно прямой палочкой из запасов ее тайника, спросила София. – Если не умерла, ей больно.

– Ей не больно, – вздохнула Инесс. – Она ничего не чувствует.

– Почему?

– Потому что, как ты и догадалась, она умерла. Зачем ты посадила ее в коробку?

София вспомнила тот день, когда она, счастливая и довольная принесла Стекляшку, держа ее прямо в своих крохотных ручках. Она показала свою новую подружку Филиппу, и он сразу же посоветовал ей избавиться от лягушки, но ей показалось, что эти слова не очень разумные. Как можно говорить такое? Теперь у нее будет настоящий зверек, о котором можно заботиться, разве это не здорово? Несмотря на все свои увещевания, Филипп согласился раздобыть ей картонную коробку и даже проделал в крышке дырочки для того чтобы Стекляшка могла дышать. Эта коробка заняла почетное место на тайной полке, что помогало ей благополучно избегать обысков. Тетя Ирена заподозрила неладное (и как ей удалось?), и начала искать зверюшку, но ничего не смогла найти. Она даже сказала Эмме. Ну почему они не хотят, чтобы у Софии был дружок?

– Я хотела, чтобы она осталась со мной, – роняя слезы, тихо ответила София.

– Ей нужно было жить на воле и скакать по лужам, а не сидеть в сухой коробке. Конечно, она умерла, ей же совершенно нечего есть и нечем дышать.

– Мы сделали дырки в крышке, ей было чем дышать!

– Но ей нужна вода, понимаешь? И вообще, зачем ты берешь домой такую гадость? – Инесс устало вздохнула и поднялась с колен, подпирая рукой поясницу. Филипп говорил, что она так делает, потому что у нее тяжелый живот, который перевешивает ее вперед, и чтобы не упасть лицом вниз, ей нужно держаться за собственную спину. Такого объяснения Софии было достаточно. – Коробку тоже придется выкинуть. Что поделать? Не нужно было разводить под кроватью лягушек.

Только сегодня, проснувшись ни свет, ни заря и поскорее нырнув под кровать, София обнаружила, что Стекляшка совсем не двигается и даже не дышит. Она разбудила Филиппа, за что чуть было не получила подушкой по голове, но ей было все равно. Через несколько минут старший брат остыл и принялся осматривать безжизненное тело лягушки. А еще через некоторое время он сказал, что Стекляшка умерла.

После этого София заплакала и побежала к тете Ирине, попутно покаявшись во всех своих грехах. Она рассказала о том, что убила несчастное создание, и бедная Стекляшка погибла в страшных муках, потому что она была голодная и сильно скучала по своим садовым лужам. Малышка всерьез считала себя убийцей, и полагала, что ее жизнь окончена, поскольку она злая и вредная девочка, которая довела до смерти невинное животное. Всхлипы и жалобы разбудили Диану, и София схлопотала подзатыльник, что случилось очень и очень редко – обычно тетя Ирина только ругалась и

читала нотации.

Все эти события и привели к тому, что явившаяся в десятом часу Инесс сразу же была направлена в детскую спальню, где позже и устроила этот варварский осмотр. Все еще расстроенная и раскаивающаяся София показала ей свой тайник, надеясь хоть так искупить часть своей вины, но даже это не помогало.

Если для того чтобы вновь заслужить доверие и любовь взрослых ей придется пожертвовать всем, что у нее есть, это не беда. Пусть забирают и выбрасывают все, что ей удалось накопить и собрать по кусочкам, лишь бы не сердились на нее. Инесс выложила на пол все содержимое полки, немного отдохнула, а потом принесла большой бумажный пакет и убрала все из комнаты.

Ей отчаянно хотелось пожаловаться хоть кому-нибудь, но все твердили ей, что она сама во всем виновата. Тетя Ирена запретила ей ходить с грустным лицом и оплакивать бедную Стекляшку. Поэтому, едва сумев пережить длинный и мучительный завтрак, София убежала в свою комнату, легла на кровать и натянула простыню до самой макушки, закрываясь от всего внешнего мира.

А ведь Эмма говорила ей, что лягушку лучше отпустить. Какая же она гадкая девчонка! Она не только не послушалась совета, она еще и обидела Эмму. София тихонько шмыгнула, вытирая кулачком горячие слезы. Теперь никто не будет ее жалеть. Никто, даже Филипп.

Убийца, убийца, убийца...

София безутешно рыдала, закрыв лицо руками и желая больше никогда не вставать с постели. Вся надежда была на то, что придет дядя Шерлок. Хотя она и понимала, что уехал дядя совсем недавно, малышка все равно продолжала ждать его и верить, что он спасет ее от этой страшной боли.

Прошло два невозможно растянутых и мрачных дня, прежде чем она обрела такое необходимое утешение.

Приехать домой в середине недели было почти невозможно, но иногда такие дни все же выпадали. Эмма ехала в автобусе, наблюдая за тем, как сгущаются сумерки и, размышляя о том, как странно порой складывается жизнь. Она скучала по Мартину, вспоминая о нем каждую свободную минуту, но в то же время она ни о чем не жалела. В первые дни после расставания ее одиночество скрашивалось вечерними посиделками с Мэйлин и прочими девушками.

В конце концов, для чего еще ей нужно было работать в другом городе и жить так далеко от матери? Ее целью был заработок денег, поскольку в родной местности найти работу было слишком уж сложно. Ограничиваться глажкой, стиркой и уборкой Эмма не хотела, поскольку едва ли такие деньги могли прокормить двух взрослых женщин. К тому же, нужно было содержать дом своего детства, оплачивать налоги и следить за тем, чтобы Эмили хорошо одевалась и имела все необходимое. Эмма мечтала купить ей холодильник

или хотя бы стиральную машину, но для этого нужно было копить еще пару месяцев.

С другой стороны, жизнь в большом городе приносила и иные возможности. Эмма покупала себе красивую одежду, привозила матери редкие подарки и регулярно обеспечивала ее продуктами, которые было просто невозможно достать в провинциальном городке. Небольшие издержки в форме расходов на экспресс и трехчасовых поездок не могли перекрыть всех преимуществ, а потому Эмма усердно работала у конвейера по восемь часов в сутки, а затем возвращалась в свою комнату.

Вот поэтому, через некоторое время после заключительного разговора с Мартином, она начала подрабатывать по вечерам посудомойкой в собственном общежитии. Должность казалась многим девушкам позорной, но благодаря этому Эмма убивала долгие вечера, пока подружки и соседки ходили развлекаться. Несколько лишних монеток всегда были полезными, а монотонная работа помогала разобраться с мыслями и успокоиться. Всего через три дня она смогла привыкнуть к новым обязанностям, и на четвертый отправилась к кухонному помещению почти с радостью. Присцилла встретила ее весьма радушно, пообещав, что на сей раз сможет предоставить ей особые льготы в пользовании горячей водой. Теперь Эмма могла свободно преодолевать потайные двери и принимать душ, находившийся в служебной половине дома. Здесь же ей разрешалось стирать всякую ме-

лочь вроде носовых платков, чулок и маечек, что также было немаловажным плюсом.

Все эти небольшие радости, которые с трудом компенсировали ощущение пустоты и потерянности, занимали ее мысли, когда она ехала домой, отвечая тем самым на мамин звонок.

Эмили сказала, что ей нужна помощь, и Эмма мчалась за сто километров ради того чтобы провести рядом с матерью всего несколько часов. Прибыв на автовокзал уже в девятом часу вечера, она попросила знакомого водителя довезти ее до нужной улицы.

Жаркий дневной воздух остыл и стал приятно тяжелым и теплым. Эмма шла, подставив плечи легким прикосновениям ветра и почему-то улыбаясь. Эмили ждала ее у ворот.

– Мама, что случилось? – сбрасывая с плеча ремешок сумки и перехватывая свободной рукой свой нехитрый багаж, сразу же спросила Эмма. – С чего срочность такая?

– Детка, мне нужно срочно уехать, а дом оставить просто не на кого, – посетовала Эмили, разводя руками.

– И куда же тебе нужно уехать? – довольно грубо спросила Эмма.

– На другой конец города, к Инесс, у нее какие-то проблемы с животиком, а никого рядом нет. Из клиники ее выгнали как какую-то бездомную собаку, даже не позволили ей полежать хотя бы сутки. Она сейчас совсем одна, ее муж в командировке.

Эмма сжала зубы. У этой незнакомой и неведомой Инесс был муж, она ждала ребенка.

— Ну и ехала бы к ней, — с ощутимым раздражением сказала она. — Что может случиться на одну ночь? В нашем городе ничего не происходит, и никого не обворовывают.

— Это тебе так кажется, а на самом деле... а, тебе-то что? Ты все равно живешь в большом городе, наверняка твоя комнатушка на четвертом этаже, и бояться совершенно нечего. Ты уже и забыла, каково это — жить в нормальном доме.

— Хорошо, хорошо, уезжай сейчас, — уже жалея о своем выпаде, но, все еще злясь, заговорила Эмма. — Я приехала, так что ты свободна как ветер.

Эмили кинула на нее сердитый взгляд, а затем выбежала за калитку. Эмма едва успела спросить, есть ли у нее деньги на дорогу, на что та ответила коротким кивком.

Делать было нечего. Если из-за чужих проблем ее оторвали от работы на кухне, оставалось лишь наслаждаться теми благами, которые предлагал родной дом.

В темно-синих сумерках она не успела разглядеть, как выглядели соседние дома, и был ли кто-нибудь на дороге. Ей просто хотелось зайти внутрь, сбросить всю одежду и принять душ, а затем выбрать виниловую пластинку и улечься в кровать под звуки хорошего джаза.

Половину из этого сделать ей удалось — она только вышла из ванной, когда в дверь забарабанил нетерпеливый посетитель.

Все еще вытирая волосы полотенцем, она вышла в прихожую и открыла дверь, за пестрым витражом которой в свете дворового фонаря угадывалась невысокая фигура.

Нарушителем спокойствия оказался Филипп. По крайней мере, мысленно Эмма назвала мальчика именно так.

– Моей мамы нет дома, она будет только завтра утром, – сообщила она, считая своим долгом отправить его назад как можно скорее.

Он хмуро оглядел ее с ног до головы, а потом, без приветствия, сразу же заговорил о сути своего дела.

– Я видел, как вы приехали. Кажется, Инесс нездоровится. Во всяком случае, она сегодня не пришла, и София целый день ждала вас вместо нее.

– С ней что-то случилось? – отступая внутрь и давая ему дорогу, спросила она.

– Да. Нет. Да, скорее всего. В общем, случилось, но не с ней. Ее лягушка умерла.

Ничего удивительного в этом не было, но Эмма все равно не удержалась:

– Стекляшка? Боже, малышка, наверное, очень переживала.

– Она и сейчас переживает. У нас гости, тетя Ирена очень занята, и она не заметит, если я приведу Софию к вам. Вы сможете успокоить ее?

– А когда же умерла Стекляшка? – сама не зная, зачем, спросила Эмма.

– Несколько дней назад. В понедельник, кажется. Так я могу привести ее к вам?

Разбираться в причинах и уточнять, почему он выбрал именно ее в качестве утешителя для своей маленькой сестры, Эмма не собиралась. Если ребенок так долго страдал, то нужно было действовать очень быстро. Ей казалось, что дорога каждая минута, и она прижала полотенце к груди, стараясь сообразить, как лучше поступить в этой сложной ситуации.

– Если ты приведешь ее сюда, ваша тетя все равно об этом узнает, – сказала она через некоторое время. – Лучше подожди меня пару минут, я оденусь, и мы вместе придумаем что-нибудь по дороге к вашему дому.

Она оставила его в гостиной, а сама помчалась в свою комнату, лихорадочно стараясь придумать хоть какой-то предлог для того чтобы прийти в дом непрошеным гостем. Ну, разве это не безумие? Чистый маразм, не иначе! Из-за какой-то дохлой лягушки устраивать такую сцену и суетиться!

Все трезвые доводы остались за спиной, руки сами отыскали старое полосатое платье, и через несколько мгновений сухая слежавшаяся и помятая ткань тяжело заскользила по мокрой коже. Она вышла в гостиную, обнаружив Филиппа все еще сидящим в кресле, но уже с каким-то журналом в руках. Слава Богу, хотя бы эта неподвижность не является их наследственной чертой.

– Мы скажем, что ты пришел ко мне и сказал, что у вас

в доме вечеринка... нет, нет, лучше скажем, что ты знал, как сильно будет нужна помощь после вечеринки и внезапно увидел меня на улице. Спросил, не смогу ли я поработать вместо Инесс, как это было в прошлый раз. Я, конечно же, согласилась, – тараторила она, пока они в темноте шли к соседскому дому.

– Вы что – собираетесь мыть посуду? – Он явно был неприятно удивлен.

– А что еще остается? Мне это тоже не нравится, – нахмурилась она.

– Да плевать мне на то, что вам не нравится, – резонно заметил Филипп. – Просто я ожидал, что вы проведете это время с моей сестрой, а не будете зарабатывать деньги.

Она остановилась посреди дороги и взяла его за руку, чуть выше локтя, крепко сжав при этом пальцы и глядя прямо ему в глаза.

– Мне хватает денег, у меня хорошая работа, и я не горю желанием подрабатывать посудомойкой у твоей тетушки, понял ты меня? – четко выговаривая каждое слово, сказала она. – Однако это единственный способ прийти к вам в дом и встретиться с Софией, не подвергнув при этом никого из вас риску. Если мы сделаем такую ерунду, какую предлагал ты, то завтра вас обоих хорошенько вздуют за то, что вы сбежали из дома и пошли к соседям, не спросив разрешения.

Эта не слишком длинная речь произвела на Филиппа нужное действие, и он молча кивнул, а затем высвободил свою

руку и снова двинулся по дороге бодрым шагом.

Убедить счастливую Ирину в правдивости этой наскоро сочиненной лжи было легко – пинап-модель приняла Эмму с распростертыми объятиями, обрадовавшись тому, что ей не придется мыть всю посуду в одиночку. Пока гости все еще были в доме, Эмма суежилась на кухне – разрезала покупные пироги и укладывала фрукты в красивые вазочки. Ей приходилось забирать из гостиной грязные стаканы и менять их на чистые. Зато красивая и выхоленная хозяйка смогла усесться среди гостей и с чистой совестью принимать все похвалы и комплименты.

Кромешный ад длился еще полтора часа, а потом гости начали покидать теплый дом тетушки Ирины. Малышка Диана спокойно спала в своей кроватке, видимо, устав от бесконечных сюсюканий и поцелуев, а Эмма засела на кухне, радуясь отремонтированному смесителю, благодаря которому из крана веселой струйкой бежала горячая вода.

Она только справилась со стеклянной посудой, когда на кухню проскользнула маленькая тень. Продолжая делать вид, что она ничего не видит, Эмма старательно орудовала тряпкой и губкой, по временам осторожно косясь в сторону привычно тихой Софии. Через ее руки прошли фарфоровые чашки, тонкие блюда с ручной росписью, изящные и неудобные графины со следами вина и соков, а также вполне себе земные тарелки с крошками из-под пирожных. Она терпеливо смывала следы пиршества и раскладывала все по

аккуратным стопочкам. Стаканы следовало перевернуть на застеленный хлопчатый полотенцем поднос, а стеклянные кувшинчики расставить на специальной полке. Кухня не носила следов хозяйки, здесь чувствовалась чужая, слегка безразлична рука, которая ставила все на свои места, но не заботилась о комфорте. Было видно, что женщина, привыкшая следить за чистотой в этом доме, относилась к нему с холодностью служащего, а не с душой живого человека. Эмме это даже нравилось – можно было импровизировать в мелких деталях, не боясь, что хозяйка потом будет делать ей замечания. Если она не прикладывала сил для того чтобы привести в порядок кухню, значит, ей неизвестно, где должны лежать те или иные вещи.

Эмма старательно игнорировала Софию даже тогда, когда приходилось поворачиваться к ней лицом или подходить к ней совсем близко. Почему-то ей казалось, что так правильнее. Спугнуть малышку было слишком просто, и она не хотела действовать необдуманно. С другой стороны, существовал риск, что София просто подумает, что ее присутствие не вызывает интереса, и уйдет. Такого допускать тоже было нельзя.

Девочка разрешила все сомнения сама – когда Эмма расправила влажные полотенца на краю стола и сняла фартук, София заговорила первой.

– Моя Стекляшка умерла, – шепотом сказала она, глядя исключительно вниз и не поднимая глаз.

Эмма подошла к ней и опустилась на колени, чтобы посмотреть ей в лицо.

– Ты не виновата, – сказала она.

– Я виновата, – покачала головой София, и ее носик заметно покраснел. – Она была голодная, и ей было плохо в коробке. Я плохая, я убила ее.

– Нет, что ты, – впервые прикасаясь к ней и накрывая маленькие ладошки своими руками, прошептала Эмма. – Не надо так думать, София. Ты не плохая. Может быть, она умерла от старости?

– Нет, Инесс сказала, что лягушке нельзя без воды.

– Но ведь у нее была вода? Ты же поставила ей тарелочку?

София подняла голову и с надеждой посмотрела на Эмму, не пытаясь при этом убрать свои руки из-под чужих ладоней.

– А ей бы хватило? – спросила она одними губами.

– Отчего же нет? Если тарелка была глубокая, то лягушка могла в ней посидеть, когда ей очень хотелось поплескаться в воде.

– Тарелка была большая, я даже не смогла ее положить в коробку сама. Филипп затолкал ее в коробку.

Эмма даже улыбнулась от таких милых подробностей. Небрежный с виду и любящий внутри, Филипп, как оказалось, был хорошим братом.

– Ну, вот видишь, – улыбнулась она. – Все хорошо. А без еды она могла прожить немножко дольше.

На самом деле Эмма не знала, сколько могут прожить ля-

гушки, которым нечего есть, но сейчас нужно было утешить Софию.

– А вы не обижаетесь на меня? – все еще глядя на нее с доверием, которое просто нельзя было обмануть, спросила девочка.

– Нет, не обижаюсь.

Как странно – она помнит, что повела себя довольно грубо в прошлую субботу.

– И вы не приходили не потому, что я плохая?

Ей вдруг захотелось поцеловать эти еще по-младенчески пухлые щечки, но она заставила себя удержаться.

– Я просто работаю в другом городе, очень далеко отсюда. Приезжаю только на выходные.

– А сегодня выходной? – со свойственной детям простотой поинтересовалась София.

– Нет, сегодня нам просто повезло.

Пальчики под ее ладонями зашевелились, и скоро София сама взяла ее за руку.

– Она точно умерла не из-за меня? – видимо, желая удостовериться в том, что она не виновата, переспросила малышка.

– Точно. Ты никого не убивала. Ты хорошая девочка, София, и никогда не слушай тех, кто скажет, будто ты плохая.

Глядя в эти красивые голубые глаза, Эмма поняла или даже почувствовала, в чем заключалась причина таких странных поступков. София была до боли одинокой, она хотела,

чтобы у нее был друг, и поэтому она поймала лягушку, а потом поселила ее у себя под кроватью. Одиночество, которого не должен знать ни один малыш, подало душу этой девочке, и жгучее желание помочь Софии почти затопило Эмму с головой.

Поэтому, когда София спросила:

– А когда будут еще выходные?

Эмма ответила:

– К счастью, очень скоро. Я вернусь домой, и мы с тобой еще увидимся.

Глава 6

Поездка в провинцию отняла у Мартина последние силы. Он лежал в своей квартире, глядел в потолок и думал о том, что сегодня вечером, в день его приезда, ему просто не с кем выйти в город. Все друзья были заняты со своими возлюбленными, в то время как он остался в полном одиночестве. Мысли сами собой возвращались к Эмме, с которой он так непонятно распрощался в прошлый раз. Ему казалось, что все ее слова не были серьезными. Скорее всего, она не рассуждала как взрослый человек, а лишь шла на поводу у своих эмоций, когда так старательно обижала его во время их последней прогулки. Однако в ее облике было нечто необъяснимое, но тревожное и болезненное, и это не позволяло Мартину подняться и пойти в ее общежитие прямо сейчас. Он полагал, что должен дать ей еще немного времени, хотя после их неудачной встречи прошел почти месяц.

Августовские вечера были теплее и медленнее, нежели июльские, сумерки сгущались быстрее, и Мартин думал о том, что ему стоит пройтись в одиночестве. Он поднялся со своей кровати, сменил рубашку, оставив расстегнутой последнюю пуговицу, а затем закрепил подтяжки и вышел на улицу, прихватив с собой серый пиджак.

Пришлось признать, что он даже побаивался Эмму. От нее исходило странное чувство силы – как физической, так и

внутренней. Она была красива, как кинозвезда, но при этом избегала слащавости и искусственной хрупкости. В ее уверенных движениях, пружинистой походке и идеальной осанке угадывался строгий и тяжелый характер, и одно это уже должно было оттолкнуть или хотя бы предостеречь его от близкого знакомства с ней, однако Мартин помимо воли потянулся к этой необычной девушке. В Эмме было столько прямоты и искренности, что общение с ней не могло не доставлять удовольствие.

Все началось с мимолетного прикосновения – покупая себе утреннюю булочку и пытаясь одновременно прочесть хотя бы первую страницу газеты, Мартин по неосторожности задел локтем стоявшую рядом девушку. Был самый что ни на есть лютый февраль, и толстое приталенное пальто наверняка защитило ее от удара, но Эмма все равно сердито фыркнула и отвернулась от него, стараясь не упустить свою очередь в лавочку. Она купила самую большую булку и попросила завернуть ее в бумагу, попутно оглядываясь на свою подругу. Рядом с ней, конечно, была Мэйлин – невысокая, изящная и опасная, как и все, что веет азиатской экзотикой.

– Мне удалось взять последнюю, – радостно сообщила Эмма, глядя на подругу совершенно счастливыми глазами.

Казалось, что она позабыла о нем сразу же, хотя с того момента, как они столкнулись, прошло чуть более одной минуты.

– Я прошу прощения, – попытался вклиниться со свои-

ми извинениями он, уже позабыв о газете и своем холодном завтраке.

Она окинула его еще одним не менее холодным взглядом, но ее полные изящные губы тронула улыбка и на щеках появились красивые ямочки. И все же, она проигнорировала его слова и продолжила говорить с Мэйлин, отводя ее в сторону от толпившихся возле лавочки покупателей:

– В обед постараемся купить сыру и ветчины, а то сегодня вечером на кухне профилактическая чистка. Не хотелось бы остаться без ужина, – звонко сказала она, протискиваясь мимо него.

– Вы меня очаровали! – уже глядя ей вслед, обреченно выкрикнул он.

Рассчитывать на то, что она обернется, не было смысла, но Эмма остановилась и повернулась к нему, а затем подарила ему еще одну улыбку.

Не теряя времени, пока она не отвлеклась от него окончательно, он еще более отчаянно спросил, до смешного повышая голос:

– Когда будет следующая профилактика на вашей кухне? Хотелось бы встретиться с вами у этой же самой лавки еще как-нибудь.

– Не обязательно у этой лавочки, – рассмеялась она, стряхивая снег с аккуратных локонов. – Можно встретиться и в другом месте.

Ее глаза были полны озорных искорок, и она так сильно

отличалась от той грустной и грубоватой девушки, с которой он расстался больше месяца назад. Впрочем, перемены не имели значения – Мартин все так же тосковал по ней, а потому он даже не удивился, обнаружив, что стоит у дверей в ее общежитие. Теперь было жарко, и он держал свой сложенный пиджак в руках, неловко переминаясь у входа. Благо, консьержка была с ним знакома и даже знала, к кому он приходит. Он уже хотел заговорить с ней, спросить, где и с кем сейчас Эмма, но в этот момент из внутренней двери показалась стройная фигурка Мэйлин, и Мартин бросился к ней.

– Добрый вечер, Мэйлин, – крепче сжимая свой пиджак, поздоровался он.

– Добрый ли. – Вопреки словам, глаза у девушки были веселыми.

– Надо надеяться, что да, – вздохнул он. – Не пройдешься со мной?

– Некрасиво гулять с бывшим парнем подруги, – отодвигая его в сторону своими тонкими, но сильными руками, сказала она.

– Так я уже бывший? – направляясь следом за ней к выходу из здания, спросил он.

– А как же? – Голос Мэйлин был спокойным, без осуждения и гнева, что несколько успокаивало, хотя ее слова по-прежнему звучали более чем тревожно. – Я иду за апельсинами, так что у тебя десять минут, не больше.

– Хорошо, хорошо, – принимая все условия, закивал Мар-

тин. – Она встречается с кем-то другим?

Мэй посмотрела на него, а потом ее накрашенные ресницы медленно опустились и поднялись, когда она завела глаза к небу.

– Нет, Мартин, она еще не нашла тебе замену.

Создавалось ощущение, будто Эмма кого-то искала, но уточнять не хотелось – презрительная и ироничная Мэйлин могла выставить его идиотом. Такое уже случилось, и он ненавидел ее в такие минуты.

– Так она проводит вечера одна? – избегая опасных двусмысленностей, спросил он.

– Как и до твоего появления.

– И как она себя чувствует?

– Спроси у нее.

– Ты издеваешься? Я же не могу войти в жилую часть общежития.

– Нет, я не издеваюсь, и тебе не обязательно подниматься на второй этаж, ты можешь попросить, чтобы ее вызвали к тебе в приемную. Как тебе план? Ну, разве не здорово? Кстати, теперь я немножко издеваюсь, но у меня просто такая привычка, так что не обижайся, ладно? Хотя... вряд ли она выйдет к тебе. Она бывает очень занята каждый вечер...

– Ты же сказала, что она ни с кем не встречается, разве нет?

– Как будто у девушек больше нет других занятий, кроме как гулять с парнями, просиживать по два часа в кино, есть

мороженное и заново красить губы через каждые тридцать минут, – придерживаясь своего язвительного тона, мудро заметила Мэйлин. – Она подрабатывает.

– Подрабатывает?

– Ты прекрасно все слышал, – сворачивая за угол дома и направляясь к магазину, ухмыльнулась она.

– Но где? Можно мне будет прийти к ней на работу?

– Если только ты сможешь найти черный ход в кухню, – пожалала плечами девушка, останавливаясь у самой двери магазина и сразу же вынимая из кармана платья свернутую бумажку. На миг Мартин остался за полем ее зрения, и она обратилась к молоденькому продавцу в ядовито-зеленом фартуке и полосатой рубашке: – Мне два апельсина. Нет, самые большие. Ой, ладно, если нет, то давайте три маленьких. Спасибо.

Наверное, второй апельсин она отдаст Эмме, а третий они разделят пополам. Насколько ему было известно, подруги всегда делились друг с другом почти всем, что покупали.

– До черного хода я не доберусь, да и потом, ваша Присцилла прогонит меня поганой метлой, – вяло заметил он, когда они отошли от магазина. – Вот, что Мэй, у меня просьба.

– Что такое? – нахмутив свои черные брови, забеспокоилась она.

– Не могла бы ты передать Эмме кое-что от меня вместе с одним из этих апельсинов?

– Ну, а если и могла бы? Что это будет?

– Я сейчас напишу записку. – Мартин полез в карман за блокнотом и карандашом, радуясь тому, что рабочая привычка брать с собой письменные принадлежности пришлась кстати. – Вот, всего пару слов.

– Пару слов, я, пожалуй, донесу.

Он открыл чистый лист, остановился и нацарапал: «Поговори со мной».

Мэйлин даже не взглянула на записку. Она просто свернула листочек и положила его в свой карман. Она была кристально честной, и Мартин был благодарен ей за то, что она не стала влезать в чужое дело, читать ему морали или разводить сплетни.

– А теперь уходи с этой улицы, – приказала она, улыбаясь и давая ему тем самым слабую тень надежды на то, что все еще можно исправить.

Стала бы она улыбаться ему, если бы Эмма была слишком обижена на него? Зная о том, как крепка их дружба, Мартин мог сказать, что Мэй даже не заговорила бы с ним, если бы все было слишком плохо.

Взрослые всегда норовили обмануть. Конечно, они делали это не специально, так просто получалось, но боль от этого не становилась слабее. Филипп привык сталкиваться с предательством каждый день.

Когда умерли мама и папа, поначалу он считал, что в этом и вправду нет их вины. Он скучал по ним, и ему становилось

больно от одной лишь мысли об их смерти. Они были такими молодыми и красивыми, они могли бы жить еще очень долго. Впрочем, теперь думать поздно – все равно, их больше нет. А он и София остались, и в этом заключалась самая большая несправедливость. Как можно было оставить их одних, совершенно одних? Как можно было бросить детей в мире, где они больше никому не нужны? С момента гибели родителей прошло три года, но Филипп думал о них каждую минуту, обвиняя во всем, что случалось с ним и его малюткой-сестрой.

Умом он прекрасно понимал, что в смерти Стеклашки, нет ничьей вины. Разве что София немного виновата. Однако горечь от собственной беспомощности перенаправлялась на тех, кого не было рядом, и, глядя на слезы своей маленькой сестры, он не переставал винить отца с матерью. Если бы они были рядом, то малышке не пришлось бы искать грязных лягушек, заводить с ними ненормальную дружбу, а потом выслушивать упреки от недалекой тетки и ограниченной прислуги.

Когда дядя Шерлок взял их к себе, он не обещал им, что они будут хорошо жить – просто сказал, что сделает все возможное. Филипп тоже не клялся быть хорошим мальчиком, но про себя решил, что постарается быть благодарным и воспитанным. Ему было всего девять лет, и он, как и любой ребенок, жаждал защиты, но вместо этого пришлось смириться с новой правдой своей жизни. Дядя работал в гражданской

авиации, зарабатывал большие деньги и каждую неделю привозил им новые игрушки, но рядом его не было почти никогда. Нет, он проводил в городе по паре дней, но почти всегда был на свиданиях со своей красавицей. Во всяком случае, когда они действительно в нем нуждались, рядом его не было. Филипп научился сам обрабатывать свои коленки и лечить голову Софии холодными компрессами, если она падала со стула или стучалась о мебель. Однако когда она упала в колючий кустарник, он испугался по-настоящему. Ему было так страшно, что он не сразу догадался позвонить в скорую помощь. Она лежала во дворе, и ее тельце было исколото сухими иглами, которые впились в ее крохотные ручки. Редкие темные точки на светлой коже Софии можно было разглядеть до сих пор. А потом примчался дядя и устроил ему такую взбучку, что Филипп стал всерьез жалеть, что не утопился в реке месяц назад, когда у него впервые возникла такая мысль.

Потом явилась Ирена, которая в скором времени стала тетей Иреной. Она была красивой, доброй и ласковой. В первые дни она была действительно хорошей и заботилась о Софии. Она покупала девочке платья, наряжала ее как куклу и купала каждый вечер в теплой ванне с душистой пеной. У них каждый день была хорошая еда и чистая одежда. А потом тетя забеременела, и все хорошее исчезло. Они снова стали никому не нужны, и это продолжалось уже два года. Маленькая Диана была кричащим красным комочком, и все

умилялись над ней, немедленно превращаясь в сборище сюсюкающих идиотов. Все вели себя как слабоумные, стоило им увидеть младенца – все, даже дядя Шерлок. Хотя, с чего бы ему быть в своем уме – все-таки Диана была его родной дочерью.

Филипп и София больше никому не были родными, и рассчитывать на настоящее тепло им не приходилось. Сам он понял это уже очень давно, но ему было очень тяжело объяснить эти истины младшей сестре. Доверчивая и добрая, она искала недостающую любовь везде, где только могла. Она пыталась подружиться с подругами тети, ходила следом за Инесс, тянулась к вечно занятому дяде Шерлоку. Филипп как мог объяснял ей, что теперь вести себя подобным образом просто опасно, но она слабо понимала смысл его слов. Ей казалось, что он просто слишком злой и раздражительный. Несколько воспитательных бесед обернулись противоположным эффектом, и София начала бояться собственного брата. Маленькая и наивная девочка не понимала, что все те, кого она считала отзывчивыми и милыми, на самом деле были эгоистичными и лицемерными прохвостами, в то время как внешне грубоватый и не по годам циничный Филипп действительно желал ей добра.

Смерть проклятой лягушки не казалась ему большой катастрофой, но для Софии это был настоящий конец света. Она плакала ночами напролет, накрывшись с головой и беззвучно всхлипывая. Звук ее плача, спрятанного и зажатого

подушкой, был самым страшным из всего, что ему приходилось слышать. Ей всего пять, и она не должна лить слезы, скрываясь под ночным мраком и постельным бельем. Это несправедливо! Почему все остальные дети получают все, все без остатка, а его маленькой сестре приходится глотать слезы в одиночку? Почему никто не может ее успокоить и приласкать? Неуклюжие попытки утешить Софию оборачивались странным оцепенением, когда она сидела, настороженная и тихая как замерзший воробышек, а он просто стоял рядом, не зная, обнять ли ее или уйти прочь.

Малышке нужна была женщина – взрослая, рассудительная и сильная. Та, которая смогла бы забрать всю боль, прижав к себе Софию и пообещав ей, что все будет в порядке. Конечно, Эмма приходила ему на ум несколько раз – он вспоминал о ней каждый вечер, стараясь понять, подходит ли эта девушка на роль временной утешительницы для Софии. Нет, ни к чему им няньки и новые разочарования – как только они начинали считать кого-то своим другом или защитником, сразу же происходило нечто, вколачивавшее гвозди в нежные тела зарождавшихся дружеских отношений. Еще одна дыра в сердце ни Филиппу, ни крошке Софии была не нужна. Дядя Шерлок отдалился от них ради своей распрекрасной Ирены, а сама Ирена в свою очередь бросила их, когда в ее животе начала расти будущая крикуша Диана. Довольно обманов и пустых надежд, Филипп был уже слишком мудрым для того чтобы верить взрослым после

всех предательств. Эмма могла стать лишь временным обезболивающим, необходимой мерой для того чтобы успокоить сестричку, и не более.

Он стал ждать прихода Эммы, чтобы перехватить ее у порога и сразу же сказать, чего он от нее хочет. По рассказам Софии Эмма была доброй и спокойной барышней, так что Филипп рассчитывал хотя бы на призрачную тень понимания. Зная о том, что София часто преувеличивает положительные качества других людей, он думал, что Эмма всего лишь наполовину так добра, как утверждала его сестренка. Этого ему могло бы вполне хватить. Вся беда заключалась в том, что Эмма приходила очень редко – она была в этом доме всего два раза, и при этом каждый ее визит приходился на выходные, до которых было весьма сложно дожить – Стекляшка умерла в понедельник. Другим признаком появления Эммы было отсутствие Инесс, и на это условие ориентироваться было куда проще. Поскольку Инесс и сама успела обзавестись внутренним младенцем, ее самочувствие становилось все хуже и хуже – она едва ходила, тяжело дышала и работала очень медленно. Хороший день выдался в четверг – тогда Инесс снова не пришла, и у Филиппа появилась надежда. Однако прошел целый день, и наступил вечер, а Эмма так и не появилась.

Лишь вечером, сидя на крыльце и глядя через забор на всю улицу, Филипп заметил знакомую высокую фигуру, и его сердце забилося чаще. Эмма шла по дороге, но ее уже

ждала соседка тетя Эмили, так что соскочить и побежать к ней сразу же не удалось. Пришлось ждать. Он засекал время по старым настенным часам, висевшим в коридоре, и мысленно отмерил Эмме на ужин полчаса. Когда стрелка доползла до нужного деления на циферблате, он помчался к уже известному дому и постучался в дверь.

Если бы он еще мог верить людям, то решил бы, что Эмме действительно не наплевать на Софию – она так быстро согласилась пойти и так живо интересовалась несчастной лягушкой, что он всего на миг позволил себе поверить в ее искренность. Был короткий момент слабости, а потом открылась правда – она хотела лишь заработать еще денег, поскольку решила предложить свои услуги избалованной за время беременности и недолгого материнства Ирене. Впрочем, когда Эмма схватила его за руку и выстрелила ему в лицо гневными словами, Филипп подумал, что в чем-то она действительно права. Ее грубость должна была оттолкнуть его, но почему-то он решил, что это хороший знак – по крайней мере, она не прикидывалась добренькой.

Он попытался отправить Софию вниз, сказав, что у них на кухне прямо сейчас находится Эмма. Прошло несколько часов, прежде малышка сдвинулась со своей кровати – она отлично знала, что попадаться на глаза гостям сейчас нельзя. Лишь когда на дворе стихли звуки и шумные прощания, она тихонько выскользнула из-под простыни и шмыгнула за дверь. Вернулась она примерно через час, и к этому време-

ни с ней произошли чудесные перемены. Скорее всего, волшебство сотворила Эмма, и Филиппу даже было интересно, что такого она сказала его сестре.

С тех пор он стал допускать мысль о том, что Эмма может немного отличаться от всех остальных самодуров-взрослых, с которыми им приходилось иметь дело. Она приезжала в город на выходные и обязательно находила повод встретиться с ними. Июль и начало августа были отмечены для его сестры бесконечным и тихим ожиданием суббот и воскресений, суливших встречу с новой подругой. Они вместе ходили за покупками, и за время этих коротких вылазок Эмма всегда успевала сделать девочке какой-нибудь подарок – она позволяла ей примерять красивые взрослые вещи, катала на такси (всего пять минут, но все же) и учила ее всякой девчачьей чепухе, постигнуть смысл которой Филиппу не удавалось. Такие передышки были Филиппу по душе – Эмма не старалась казаться новой мамочкой, но при этом давала Софии то драгоценное внимание и одобрение, которых так жаждала его маленькая сестренка.

И все-таки, где-то другом городе у этой странной женщины должна была быть своя собственная жизнь, о которой она никому ничего не рассказывала. Именно это удерживало Филиппа на расстоянии и заставляло держаться с предельной осторожностью.

Глава 7

Даже при всем желании соответствовать высоким нормам поведения для воспитанной и хрупкой девушки, Эмма не могла вписаться в классический образ, навязанный телевидением и литературой. Она оставалась грубоватой, слишком уж живой и настойчивой для того чтобы казаться эфемерной и трогательной. У нее были крепкие руки, широкие плечи и сильные ноги, и она не собиралась притворяться другим человеком в угоду провинциальным вкусам. В большом городе было проще затеряться и не привлекать внимания – здесь она могла раствориться в толпе, слившись с безликой массой пестрых платьев, пышных юбок и серых костюмов в мелкую клетку. Фетровые шляпы, тряпичные зонтики, крупные солнцезащитные очки, устойчивые каблуки и прочие атрибуты городской жизни делали ее обычной девушкой, ничем не выделявшейся из толпы.

Такая анонимность нравилась Эмме – никому не было дела до ее чересчур решительной походки и широких шагов, размашистых жестов и низкого голоса. Однако личное пространство ценилось даже больше – оставшись наедине с собой, она могла предаваться своим мыслям и размышлениям, расставлять все по местам и строить планы на будущее. К слову, с последним у нее пока что были большие проблемы. Что будет дальше? Эмма старательно избегала мрачных

мыслей, но все вероятные перспективы просто пугали своей однообразностью и обреченностью. Можно, конечно, постараться заработать достаточно денег и остаться в городе. Поступить в университет? Нет, для этого нужно время и немалые способности, которых у нее не наблюдалось. Выйти замуж? После новостей о бесплодии подобные мысли отметались еще до того, как их первые проблески успевали зародиться в мозгу. Так что же делать?

Пока она старательно приводила мысли в порядок, ее ровесницы крутили летние романы, приносили шоколадные плитки от своих ухажеров, покупали новые платья и ездили за город на выходные. Все это оставалось за пределами кухни, и Эмма находила свое собственное наслаждение в уединенности и замкнутости выложенных белым кафелем стен. Шумная жизнь оставалась за пределами слышимости, оставляя лишь тишину и бездумную несложную работу.

Едва научившись ценить эти блага, Эмма с удивлением обнаружила, что ее новому миру грозит опасность – записка от Мартина всколыхнула затихшие аккорды ее души, и она со вздохом признала, что хотела бы ответить согласием. Мэйлин, как обычно, ни на чем не настаивала – она лишь передала послание, улыбнулась и предложила ей выпить чаю с печеньем.

Продумав два дня, Эмма решила, что должна завершить начатое – просто отмолчаться и подождать, пока он окончательно обидится и охладееет к ней. Она продолжала ходить

на работу и старательно избегала знакомых мест вроде булочной лавочки и газетных киосков, возле которых она виделась с Мартином в прежние времена. Августовские дни постепенно плавись в календаре, подходя к завершению, и ей казалось, что совсем скоро по тротуарам полетят сухие листья, открывая новый сезон. Так можно поставить точку и отпустить все то, что осложняет жизнь. По вечерам она находила спасительную тишину на кухне, перебивая тарелки в полной безмятежности и апатии. Вторая работа превратилась для нее в нечто вроде утренних пробежек – она с трудом заставляла себя отправляться на кухню, но едва взяв в руки мочалку, уже не могла остановиться или представить себе другое занятие. Какая ирония! Может быть, это и есть ее истинное призвание?

Идиллические настроения разбились в самом конце августа, когда в заднюю дверь настойчиво постучался какой-то нахал. Поначалу Эмма решила сделать вид, что внутри никого нет, но стук повторялся раз за разом, пока не вывел ее из себя окончательно. Она оставила свои тарелки, сняла перчатки и решительно направилась к двери, чтобы задать трепку непонятливому гостю.

Возникший на пороге Мартин мигом растворил все мысли в душном и тяжелом воздухе.

– Добрый вечер, Эмма, – глядя себе под ноги, промямлил он.

– Говори, зачем пришел, или уходи сейчас же, – холодно

сказала она, радуясь тому, что он не смотрел ей в лицо.

– Пришел, чтобы помочь тебе отмыть большие кастрюли и жирные противни.

– Я прекрасно справляюсь сама.

– Да брось, денег я за свою помощь не возьму. Никто не узнает, поверь.

Она отступила на шаг, окидывая его беглым взглядом. Потертые брюки без подтяжек, серая рубашка с закатанными рукавами, пыльные сандалии. Его внешний вид соответствовал словам, и это почему-то побудило ее уступить.

– Хорошо, только учти, что второго фартука у меня нет.

– Тогда ты можешь отдать мне свой, – невозмутимо предложил он, продолжая изучать заасфальтированную поверхность, стелившуюся до самого порога.

– Это еще почему? – возмутилась она.

– Потому что ты здесь живешь, а мне еще ехать до дому на трамвае.

Отсутствие романтики и слезливых обвинений также подействовало отрезвляюще и вместе с тем положительно.

– Ну, и отлично, – согласилась она, развязывая затянутые в узел тесемки за своей спиной. – Все сковородки и противни лежат в дальнем правом углу, возле входной двери. Мочалку найдешь на шкафу, там же, где и порошок.

Он ничего не говорил и не задавал вопросов. Мартин ушел, едва справившись с противными чугунными посудинами. Затем он пришел еще раз, и еще раз. И продолжал при-

ходить каждый день. Когда дошло до пятницы, она поинтересовалась, придет ли он в субботу, на что он ответил:

– Нет, в субботу у меня другие дела.

– Жаль. Думаю, Присцилла была бы рада твоей помощи, – улыбаясь, сказала она.

– Придется разочаровать ее. Что поделать, жизнь несправедлива, – пожал плечами он, прежде чем снять фартук через голову. – Я приду в понедельник.

Потом он не спеша повесил фартук на крючок, снял перчатки и стряхнул невидимые крошки со своих темных брюк.

– До понедельника? – сама не зная, как у нее это вырвалось, спросила она.

– Да, до понедельника, – не меняясь в лице, кивнул он.

Странная жизнь пошла – дети, к которым она рвалась всей душой на выходных, не были ее детьми. Мужчина, которого она стала ждать будними вечерами, не был ее мужем или женихом. К чему можно прийти с такой жизнью?

Единственное, что оставалось неизменным и держало ее как якорь – ночные разговоры с Мэйлин. Подруге она могла признаться во всех своих мысленных грехах, смутных догадках и тайных опасениях.

Вернувшись в комнату тем же вечером, она дождалась Мэй и обо всем ей рассказала.

– Я не понимаю, зачем он приходит, – поделилась она, наблюдая за тем, как Мэйлин раскрывает подаренный Паулем шоколад.

– Если бы я знала тебя чуть хуже, то непременно решила бы, что ты просто ждешь, когда я скажу тебе: «Ах, милая, это же и идиоту ясно – он приходит, чтобы побыть рядом с тобой». – Мэйлин вручила ей кусочек плитки, а потом облизнула самые кончики пальцев. – Но поскольку я знаю тебя не первый день, позволю себе предположить, что ты действительно не понимаешь очевидных вещей. Итак, Эмма, вот что я думаю: Мартин пытается донести до тебя свои намерения. Он не собирается тебя бросать, вот и все.

– Если так, то я должна рассказать ему про Софию и Филиппа. Это очень важная часть моей жизни, так что я не могу оставить ее в стороне.

– Поступай, как знаешь, – отламывая и для себя небольшой квадратик шоколада, покачала головой Мэйлин. – Однако я не верю, чтобы эти детки были действительно так важны. Нет, стой, я неправильно выразилась. Я не верю, что эти детки у тебя надолго. Ты просто помогаешь их тетечке по выходным, вот и все. Когда ваша мученица Инесс разродится, эта самая Ирена найдет другую постоянную прислугу, и тогда ты уже будешь не нужна в том доме.

Правдивые слова оказались холодными и неприятными – впрочем, как того и следовало ожидать. Если кто-то и мог облить Эмму ледяной водой, вернув трезвый взгляд на вещи, то этим человеком была именно Мэй.

– Кабы все дело только в работе. Думаешь, мне так нравится мыть у нее посуду?

– Ну, тебе же нравится мыть посуду здесь, – резонно заметила Мэйлин.

– Нет, здесь это совсем другое. Способ отгородиться от мира.

– Там это тоже способ отгородиться от настоящей жизни. Здесь ты моешь посуду, чтобы не думать о плохом и не тосковать, лежа в кровати, а там ты нанимаешься горничной ради игры в мамочку с несчастными детьми. Тоже иллюзия, которую ты оплачиваешь своим трудом. Я говорю как последняя стерва, но на самом деле я не знаю тех детей и мне по большому счету безразлично, что у них за жизнь. Я знаю тебя и я люблю тебя, а потому не хочу, чтобы тебе стало еще больнее.

– Так давай я тебя с ними познакомлю, – поднимая глаза, с надеждой предложила Эмма.

– Познакомишь?

– Да.

– И как же?

– Если ты поедешь со мной, я смогу показать тебе хотя бы Софию. Иногда мне удается привести ее к себе домой на часок или даже на два – так проще говорить и играть. У них в доме нельзя даже топтать слишком громко, ибо просыпается эта очень чутко спящая Диана, потом она начинает плакать, а потом Ирена начинает нервничать и тоже плакать, а потом она орет на Софию и плачет уже она.

– Дурдом, – подвела разумный итог Мэйлин, отпивая чай из большой керамической кружки.

– Вот именно, других слов просто не существует. Поэтому я привожу ее к себе. Филиппа я тоже приглашаю, но он, правда, отказывается. Впрочем, это не страшно. Он теперь в таком возрасте, когда хочется доказать свою самостоятельность.

– Ну, вот поеду я к тебе в город в субботу утром. Дальше что?

– Придем домой. Мама угостит нас завтраком. Потом я пойду к ним.

– А я останусь с твоей мамой?

– Нет, – Эмма грустно покачала головой. – Мама не сидит дома – она уходит к Инесс, помогать ей по хозяйству.

Слова отозвались тупой ноющей болью. Смириться со своей ущербностью у нее не получалось, и всякий раз, упоминая о чьих-то детях, пусть даже и будущих, она надевала искусственную улыбку, скрывая кровоточащие раны даже от себя самой.

– И она разрешит мне остаться в вашем доме в полном одиночестве? А если что-то пропадет?

– Господи, Мэй, откуда такие мысли? Ничего же не пропадало все эти дни, когда дом пустовал!

– Ну и что? А вот я приеду, и какая-нибудь серебряная ложка возьмет и исчезнет из набора. Твоя мама не будет подозревать меня?

– Нет, не будет. Хотя, если ты не веришь, а я сейчас вижу, что мне тебя не убедить, то ты не обязана рисковать.

Мэйлин пересела на кровать, опустившись напротив Эммы.

– Ты действительно хочешь просто познакомить меня с Софией?

– Нет, просто... просто я привязалась к ней всей душой, но никто этого не понимает. Маме откровенно наплевать, а с Мартином я об этом не разговариваю. Глупо, но мне так хочется, чтобы хоть кто-то понял меня.

– Тогда я поеду вместе с тобой, и когда твоя мама уйдет, я выйду из дома вместе с ней. Пару часов погуляю по городу, а потом вернусь. Успеешь за пару часов?

Эмма порывисто обняла подругу, прижав ее к себе и сжимая зубы, чтобы не разрыдаться. С ней почти не случалось ничего подобного, и она не знала, как выразить эту всеобъемлющую благодарность.

Эмили почти никак не отреагировала на появление Мэйлин, и это уже само по себе было хорошим знаком – обычно, если кто-то ей не нравился, она сразу же недовольно хмурилась, при этом искренне полагая, что со стороны выглядит доброжелательной и гостеприимной. Стоило отдать должное и самой Мэй – она держалась тихо, скромно и незаметно. За завтраком она почти ничего не говорила, а Эмили не задавала вопросов. Понимая, что ее мысли совершенно детские и неуместные, Эмма все равно чувствовала некоторую обиду – ее матери не были интересны ее друзья, в то время как

дочь подруги казалась ей важной и незаменимой. Со стороны казалось, что Эмили тревожится о благополучии Инесс так, как почти никогда не беспокоилась о самой Эмме.

Ну и пусть. К черту все, какая разница, кого она считает своей настоящей дочерью? Главное работать, приносить деньги, продукты и платить за дом. Остальное пусть остается как есть, тем более, сейчас у нее достаточно других забот. Неловкий завтрак закончился почти так же тихо, как и начался, и Эмили засобиравшись уходила. В будние дни она не могла помогать Инесс, потому что та работала и возвращалась в свой дом только поздно вечером. По словам Эмили, у бедной девочки скапливалось немало стирки и прочей работы, так что все выходные проходили в трудах праведных, в то время как ей уже нельзя было брать на себя такую тяжелую работу. Эмма старалась все понимать и не возражать, старательно глотая возмущение и обиду. Плевать, зато Мэйлин приехала чтобы познакомиться с Софией.

Как все-таки глупо получается! Она собиравшись познакомиться лучшую подругу с маленькой девочкой, словно она хотела удочерить Софию, что, конечно же, было невозможно.

Не слишком умный поступок, но Эмма не могла остановить себя. Подозрительность Мэйлин, ее предостережения и беспокойства – все это должно было испариться, едва она увидела бы этого чудесного ребенка. Эмма хотела, чтобы подруга поняла, почему она так привязалась к малышке, почему она говорит о ней без умолку и постоянно думает о

грядущих выходных. Впрочем, от ее желания здесь зависело слишком мало, но попытаться все же стоило.

Из дома они вышли втроем, и Мэйлин сразу же предупредила, что непременно разузнает расписание местного театра, придется по всем магазинам и покатается на автобусе. Отпустив мать и свою гостью, сама Эмма направилась к соседнему дому, уже предвкушая встречу со своим маленьким лучиком.

София умела радоваться по-тихому. Каждый раз, встречая Эмму у порога, она просто смотрела на нее сияющими глазами, улыбалась и сжимала кулачки. Она не бросалась к ней на шею, как это любили делать прочие дети, не визжала от восторга и не спешила показывать ей свои достижения. Она просто стояла, глядя на нее со смесью счастья и настороженности, словно боясь, что сегодня Эмма сделает вид, будто не знает ее.

– Привет, милая, – наклоняясь к малышке и целуя ее в щеку, улыбнулась Эмма.

– Привет, – оттаивая прямо на глазах, радостно ответила София.

Ожидание предательства поселилось в душе этого ребенка так глубоко, что София, вполне возможно, и сама не понимала, с чем связаны все эти страхи. И уж тем более о них ничего не было известно Эмме. Все что оставалось – ловить отголоски детской боли и стараться исправить все это мимолетными встречами, происходившими только по выходным.

Как мало она могла предложить этому ребенку! За последний месяц в голову Эммы все чаще закрадывались мысли о том, что она должна оставить жизнь в большом городе ради того чтобы чаще видиться с девочкой. Однако такое решение уж точно не могло найти понимания и поддержки Эмили, а потому Эмма с трудом отмела эту идею. Оставалось ограничиваться тем, что было.

Они вместе прошли по коридору, поскольку нужно было получить директивы от Ирены.

– Я пришла. Что сегодня? – появляясь в дверях гостиной, спросила она.

Хозяйка отвлеклась от своей неизменной работы за гладильной доской, подняла глаза и вздохнула:

– Обед и уборка. Нужно убратсья в детской спальне. Инесс уже не может двигать кровати, а у меня на это нет времени. Обязательно приведите в порядок ванную комнату, там просто ужасная грязь. Ну, и коридор, конечно же.

Даже прекрасно зная, что речь идет о ее собственном доме, Ирена умудрялась говорить так, словно Эмма сама довела комнаты до полного запустения и беспорядка.

– Хорошо, – все еще сжимая ладошку Софии, кивнула Эмма. – Что лучше приготовить к обеду?

– Ой, только не надо жирного, мне от такого плохо становится.

– Понятно.

Не дожидаясь, пока Ирена добавит что-нибудь еще, Эмма

ушла и увела с собой малышку. Она уже привыкла к тому, что все дела выполнялись в присутствии Софии и под ее чутким наблюдением. В первое время девочка ни о чем не спрашивала, но теперь, немного привыкнув и осознав, что Эмма не собирается ругать ее за несвоевременные вопросы, она стала изредка любопытствовать и тихонько уточнять некоторые моменты. Работать рядом с ней было приятно и легко – время пролетало незаметно, и Эмма даже не замечала, как приходила пора возвращаться домой. Это значило, что для них наступал еще один этап долгожданного выходного – возможность побыть только вдвоем, поиграть, пошуметь и вдоволь побегать вокруг дома.

Однако сегодня был особый день, и Эмма не знала, сможет ли она организовать такие же бурные игры, если рядом будет находиться трезвомыслящая и вечно осуждающая Мэйлин.

Нужно было подготовить Софию заранее, и поэтому Эмма начала издалека, почти сразу же после того как они оказались на кухне. Занимаясь приготовлением обеда, выстирывая грязные простыни из детской, орудуя тряпкой и передвигая мебель, она осторожно рассказывала Софии о том, что дальше ее ждет знакомство с новой тетей.

– Ты не должна бояться, – уверенно говорила она. – Мэйлин очень хорошая.

– Такая же, как ты? – поинтересовалась София, перебирая пальчиками бахрому, свисавшую с оконных занавесок.

Вопрос-комплимент. Маленькое чистое сердечко считало Эмму хорошим человеком. София верила в то, о чем Эмма предпочитала даже не задумываться. Вряд ли она была хорошим человеком, и ей не хотелось обманывать ребенка, но сейчас был неподходящий момент для развенчания мифов – нужно было сосредоточиться на предстоящей встрече. Главное, чтобы София не испугалась и не спряталась в свою скорлупу, из которой ее так сложно выманить.

– Нет, она совсем на меня не похожа, – ответила Эмма, и это было чистой правдой.

Мэйлин была ее полной противоположностью почти во всем, кроме некоторых особенностей характера.

Закончив со всеми делами, Эмма накормила Софию обедом, а потом они сообщили Ирену о том, что собираются уходить, и получили в ответ молчаливый, но точный кивок: она их поняла и одобрила. Или просто ей было все равно, чем они будут заниматься – это казалось более честным толкованием сего краткого жеста.

Оставив позади дом и узкую дорожку, они подошли к калитке дома Эммы, и София впервые сама по собственной инициативе взяла ее за руку, выдав свое волнение. В этот момент Эмма почувствовала настоящее тяжелое раскаяние, внезапно осознав, что уговаривая Мэйлин приехать и посмотреть на Софию, она совсем не подумала о том, что будет чувствовать девочка.

– Не бойся, – накрыв ее ладошку второй рукой, прошептала она. – В доме еще никого нет, Мэй придет чуть попозже.

Словно подтверждая ее мысли, из-за дальнего поворота показался силуэт Мэйлин, а чуть позже в воздухе разнеслось постукивание ее каблучков.

– А вот и она, – вздохнула Эмма, чувствуя, что и сама начинает нервничать.

Боже, ну что за детский сад? Она отлично знает Мэй, и ей известно, что ничего плохого от одного простого знакомства не будет. Какая идиотская неуверенность, просто нелепость какая-то.

Успокаивающий эффект таких одергиваний сходил на нет перед очевидной правдой – довольно хорошо зная Мэйлин, она оставалась в полном неведении касательно загадочной души маленькой Софии. В этом чистом разуме хранились впечатления о боли и разочарованиях, и иногда отблески этих мрачных воспоминаний всплывали на поверхность выжидающими взглядами и моментами сбивавшего с толку молчания. Как повлияет на нее эта встреча?

Они подождали, когда Мэйлин приблизится к ним, и когда между ними осталось не больше десяти шагов, Эмма заговорила первой:

– Ну, и как тебе мой родной город?

– Потрясающе, – с лучезарной улыбкой ответила Мэйлин. – А как вы провели все это время?

Правильный ход – она смотрела только на Эмму, но обра-

тилась к ним обеим, показывая, что заметила и Софию.

– Мы тоже неплохо потрудились, – открывая калитку и впуская внутрь подругу, честно сказала Эмма.

Следом за Мэй во двор проскользнула София, а потом уже и сама хозяйка.

В доме она отвела своих гостей на заднюю веранду, где всегда было тихо и спокойно. Все трое расселись по плетеным из ивовых прутьев стульям и погрузились в недолгое, но тягостное молчание.

Первой заговорила Мэйлин, чему Эмма совсем не удивилась.

– У меня такое чувство, что София хочет кушать, – впервые одаривая девочку прямым и долгим взглядом, пронизательно сказала она.

– Нет, – покачала головой София.

– Не хочешь? Уже обед, – продолжала наступать Мэй.

– Я кушала.

– Готова спорить, что было не очень вкусно.

– Было очень вкусно, – почему-то хмурясь, заупрямилась София. – Эмма всегда делает хороший обед.

– Нет, – без колебаний затрясла головой Мэй – нет, нет, Эмма не умеет хорошо готовить. Там, где мы живем, она всегда готовит всякую бяку.

Глаза Софии округлились от возмущения, но вместе с тем в ее взгляде проскользнули робкие смешинки, словно она начала понимать, что Мэй всего лишь дразнит ее.

– А нам она готовит вкусную еду, – тем не менее, возразила она.

– Что-то мне не верится, – скептически поджав губы и явно веселясь, протянула Мэй, а затем оживилась: – А пусть докажет, что она умеет печь хорошие блинчики, а?

– Блинчики? – уже переключаясь на другую линию, спросила София.

– Да, вкусные блинчики со сладким джемом. Знаешь, это бывает здорово.

По лицу Софии было видно, что это предложение показалось ей более чем заманчивым, но разум брал свое, и она все еще сомневалась.

– Эмма устала, – проявляя неожиданную силу воли, отказалась она. – Будем отдыхать.

– А вот я не устала, – уже смеясь, заявила Мэй. – Так что, может мне испечь эти самые блинчики?

– Умете? – с ощутимым недоверием поинтересовалась София.

Происходили чудеса – иначе назвать этот разговор было нельзя. Без стандартного сопливого «Ой какая лапушка! А как зовут такую красавицу? А ты скажешь тете свое имя?», Мэйлин удалось выудить из Софии больше слов, чем Эмма смогла услышать за весь первый месяц общения.

– Конечно, умею, – с шутливо оскорбленным видом, закивала Мэй. – Ну, так как? Не откажешься?

София едва заметно покачала головой.

В результате кухня превратилась в игровое поле, где Эмма, Мэй и София шумно готовили блинчики. Справедливости ради стоило отметить, что в основном весь шум шел от Мэйлин, но, кажется, Софии это даже нравилось. После целого часа шуток, восклицаний и вопросов, они разместились все на той же веранде и принялись пить чай. Выходной удался даже лучше, чем она могла предполагать, и Эмма испытывала облегчение, а также всеобъемлющую благодарность по отношению к подруге.

Мэйлин уехала уже после обеда, пообещав, что в понедельник они обязательно встретятся и подробно обо всем поговорят.

Глава 8

Радостная суббота сменилась странным и весьма неожиданным воскресеньем. Когда она постучалась в дверь дома Ирены, открыл ей только Филипп, хотя в последние недели он всегда был в сопровождении своей маленькой сестры. После этого он обычно уходил в дальнюю комнату или вообще собирался и шел к друзьям. По крайней мере, за работой Эмма его не видела. Ей всегда было интересно узнать, как он проводит это время и не занимается ли он чем-нибудь опасным. Оставив позади бурное отрочество, она понимала, что подростки очень любят играть с огнем, и испытывают невыразимый восторг от риска и нарушения всяческих запретов.

Вообще, Филипп оставался для нее главной загадкой. Она не могла понять, о чем он думал, какие выводы делал и чем мотивировал те или иные поступки. Конечно, она хотела бы познакомиться с ним поближе, но в его нагловатом взгляде ясно читалась старательно скрываемая боль, которая делала их с Софией особенно похожими и в то же время служила предостережением. Не уверен – не подходи.

– Где София? – спросила она, прежде чем он успел скрыться из поля зрения.

– Ее нет, – с какой-то странной улыбкой ответил он, а затем просто поднялся по лестнице на второй этаж.

Увидеть свою маленькую подружку в тот день Эмме так

и не удалось. Работа уже не приносила бывшего удовлетворения, и она снова чувствовала усталость, озлобленность и разочарование. Эта девочка была маленьким лучиком, скрашивавшим однообразную серость рабочей жизни, и Эмма только сейчас стала осознавать, что привязалась к малышке гораздо сильнее, чем отдавала себе в этом отчет.

Завершив все дела, она попыталась подняться в детскую, но по дороге ее перехватила Ирена, которую явно удивили такие намерения.

– Куда это вы собрались? – приподняв тщательно выщипанные брови, спросила она.

Привыкнуть к этому тонкому голосу было практически невозможно – каждый раз, слыша свою временную работодателя, Эмма с трудом преодолевала желание зажмуриться или сморщить переносицу.

– Хотела проведать Софию, – честно ответила она, понимая, что ничего плохого в таких планах нет.

– Лучше сходите в магазин и купите чего-нибудь к чаю. – Ирена со снисходительной улыбкой вытащила из кармана своего домашнего платья свернутую кучку купюр. – Только не печенье и не вафли. Что-то более праздничное, вроде бисквитов или даже торта.

Унизительное положение прислуги требовало повиновения. Эмме пришлось взять деньги и молча выйти за дверь.

София была в доме. Где еще она могла находиться? Если бы ее отправили к родственникам, то Ирена наверняка ска-

зала бы ей об этом.

Эмма ломала голову над загадочным исчезновением малышки, не понимая, почему еще вчера все казалось нормальным, а сегодня уже рассыпалось в прах. Причиной таких перемен стал визит Мэйлин – это было единственным, в чем она не сомневалась. Но ведь София так легко общалась с незнакомкой, а Эмма не оставляла их в наедине ни на секунду. Когда же могла произойти та катастрофа, которая заставила Софию прятаться от нее? Чем они ее обидели?

Размышления не покидали ее и на следующий день, когда она встретилась с Мэйлин в общежитии. Весь рабочий день, а потом и всю кухонную смену Эмма продолжала думать о причинах своей внезапной потери. В чем она провинилась? Она привязалась к Софии всем сердцем, и ей было больно думать о том, что эта хрупкая дружба исчезнет, а она так и не узнает, почему это произошло.

Разумеется, на первый план выходило самобичевание. Только совершенно безголовому человеку придет в голову такая идея. Зачем она повезла Мэйлин в свой город? Никто от этого явно не пришел в восторг. Эмили было плевать на все, сама Мэйлин уехала из провинции сразу же, как только появилась возможность, а София вообще больше с ней не разговаривает. Правильно. Все верно, так и должно было случиться, ведь приглашая подругу в свой дом и планируя встречу с малышкой, Эмма думала только о себе. Так ей и надо, впредь будет неповадно использовать людей в сво-

их целях. Впервые за долгое время Эмма ощущала жгучие угрызения совести и корила себя за опрометчивость.

С трудом дождавшись завершения всех дел, приняв душ и переодевшись, Эмма устроилась в своей комнате и стала ждать, когда Мэй вернется со своего очередного свидания.

– Я принесла нам яблоки, – радостно сообщила Мэйлин, едва оказавшись в комнате. – Говорят, что на ночь лучше есть фрукты.

– Спасибо, – принимая небольшую корзинку, улыбнулась Эмма.

Мэй прошла в комнату и плюхнулась на кровать, не заботясь о том, как она выглядит.

– Знаю, знаю, ты жаждешь узнать, что я думаю по поводу Софии, – скидывая на пол туфельки-балетки, пропела она. – Малышка просто прелесть. Такой ребенок удивительный, я думала, настолько милых детишек вообще не существует. Обычно дети застенчивы только поначалу, но стоит тебе показать им свою доброту, как они тут же начинают скакать у тебя на макушке. Твоя София совсем другая. Если бы я заранее знала, что у меня будет такая дочка, то постаралась бы забеременеть в самом ближайшем будущем. Нет, правда, девочка очень милая, красивая, воспитанная и смышленная.

– Однако? – уже предчувствуя подвох, помогла ей Эмма. Она села рядом с Мэй и тоже забралась на кровать с ногами.

– Яблоки мытые, можешь есть, – мимоходом заметила по-

друга, взяв аппетитный плод в руки. — Однако... она к тебе очень привязана. Почти болезненно, понимаешь? Она смотрит на тебя как на богиню, к которой ей позволено прикасаться. Черт возьми, Эмма, это просто кошмарная ответственность! Учитывая, что живет она в чужом доме, и у нее, вроде бы, есть семья. Ну, сама подумай — со стороны всем кажется, что у малышки и ее братика полный порядок с жизнью, ведь так? Я имею в виду, что сейчас полно людей, которые могут сказать: «После войны тысячи детей остались на улице, и теперь они живут в приютах, так что скажите спасибо, что у вас есть дядя и тетя, которые кормят вас по три раза в день и покупают по паре новых штанов через каждые полгода. У миллионов людей нет даже этого, и они были бы счастливы оказаться на вашем месте».

— Согласна, — кивнула Эмма, наблюдая за тем, как Мэй перекатывает яблоко в ладонях.

— Значит, объяснить окружающим, почему София проводит с тобой так много времени, будет невозможно. Ладно бы у нее был неблагополучный дом, а дядя с тетей прикладывались к бутылке каждое утро. Тогда все было бы ясно — тебя, как благодетельницу поняла бы вся улица одним махом. Но со стороны все сейчас выглядит так, будто ты просто лезешь не в свое дело. Ты можешь разбиться вдребезги, но людям просто не объяснишь, что кроме еды и платишек Софии нужно еще и душевное тепло. Сейчас, когда в провинциальных городах все еще царит нехватка продуктов, люди разу-

чились думать о душах – им лишь бы тела накормить и спать в нормальной постели, и то радость. Понимаешь, к чему я клоню? Ты можешь пострадать.

– Все равно, – вздохнула Эмма. – Кажется, София на меня обиделась. По крайней мере, вчера она не спустилась ко мне и все время, пока я работала в доме, просидела в своей комнате. То есть, Филипп сказал, что ее нет, но я точно знаю, что это было ложью.

С Мэйлин такое случалось крайне редко, но она замолчала, и на время погрузилась в раздумья. Кажется, ее эти новости озадачили почти так же сильно, как и саму Эмму.

– Ничего не понимаю, – спустя несколько минут, сказала она. – Я думала, что девочке все понравилось. Ума не приложу, где я могла так промахнуться. Может, не стоило говорить о тебе плохие вещи? Конечно, я шутила, но ведь она могла этого не понять...

– София не такая, она все понимает, – печально покачала головой Эмма. – Я не знаю, что должно было случиться всего за один вечер в ее сознании, но теперь она не хочет меня видеть. Так что тебе уже не нужно беспокоиться – никто ничего не успеет подумать.

Сколько времени нужно было предоставить Эмме для того, чтобы она все поняла и сжалилась над ним? Мартин терпеливо ходил к ней каждый вечер и даже купил для этого фартук. Он редко занимался подобной работой у себя в до-

ме, предпочитая платить соседке напротив – эта мать-одиночка, овдовевшая, как и тысячи других несчастных женщин, была рада заработать легкие деньги. Раз в неделю она прибирала в его комнате, мыла пол, стирала накопившуюся одежду и гладила рубашки. За это он платил ей очень щедро, зная, что ее младшая дочь имеет слабое здоровье. Иногда, если он пил кофе дома (что случалось крайне редко), Мартин просил ее зайти во время дня и помыть посуду. За такую работу полагалась отдельная плата.

Хороший заработок был для него результатом тяжелой и скучной работы. Мартин возглавлял отдел кадров средней фабрики по производству бытовых товаров из пластика. Недорогая продукция приобрела особенную популярность в послевоенные годы, когда люди нуждались в новых вещах, но не могли позволить себе большие расходы. Рабочих рук вечно не хватало, хотя даже при таком положении вещей у него всегда копились документы, которые следовало рассмотреть, одобрить, отправить или отклонить. Впрочем, последний тур по маленьким городам принес хорошие плоды – уже сейчас на фабрику потянулись люди из провинции, которым предоставляли жилье в специальном кампусе. Условия жизни там были скромными, но терпимыми – на каждом этаже имелось тридцать небольших комнат, две душевые, две общие уборные и одна кухня. Постоянно поступавшие жалобы перенаправлялись в отдел кадров, и Мартин ежедневно решал вопросы, которые не входили в его компетенцию –

ему приходилось навещать общежития, вызывать мастеров, беседовать с комендантами, улаживать конфликты и нанимать специальный персонал для обслуживания инженерных сетей. После такой работы ему меньше всего хотелось идти в другое общежитие и вымывать жирную посуду, но надежда на встречу с Эммой скрашивала все неудобства, и он дисциплинированно приходил в один и тот же час.

Они мало говорили, но при этом он чувствовал, что такая молчаливая совместная работа сблизила их больше, чем все месяцы пустых свиданий. Наверное, все дело было в том, что в ресторанах, кинотеатрах и парках их постоянно окружали другие люди, которые забирали часть внимания себе. Разум Эммы всегда был занят прохожими, временными владельцами соседних столиков или зрителями, сидевшими по обе стороны от них во время сеансов кино. В душевной кухне не было никого. Здесь они оставались одни. Им было достаточно ощущать присутствие друг друга и знать, что они всегда могут рассчитывать на помощь. Эмма привыкла просить его поднимать тяжелые кастрюли, переставлять с места на место котлы и носить к шкафу стопки тяжелой керамической посуды. Он, в свою очередь, не всегда мог разобраться с техникой работы, поскольку вообще не привык чистить, мыть и ополаскивать.

Хотя, кое-какие изменения, конечно, были. Теперь она открывала ему дверь почти сразу же после первого стука – значит, ждала его прихода. Она не задавала вопросов, но он ча-

стенку ловил на себе ее изучающий взгляд. Разумеется, ей было интересно, почему он продолжает приходить. В целом, он отлично знал, зачем нужны все эти хлопоты. Найти себе подружку на вечер было легко, но Мартин не хотел видеть других женщин. Хмурая, пугающе немногословная и вечно иронизирующая Эмма была для него самой красивой и привлекательной. Однако вдумываясь в детали, он и сам начал теряться. Надеялся ли он на то, что между ними все наладится? Нет, конечно же, нет. Зная характер Эммы (или думая, что знает), Мартин был уверен в том, что ее решение было окончательным. Так к чему же эта кухонно-посудная возня? Только ради того чтобы посидеть рядом с ней часок-другой, погремать тарелками и задать пару вопросов типа «Куда ты положила порошок»? Галиматья, да и только.

Поэтому, придя к ней в очередной день, Мартин решил на более конкретные действия. До этого момента все шло хорошо, раз уж она до сих пор не выставила его за дверь. Его общество не было ей противно – и на том спасибо. Нужно лишь солгать, сказав одну простую фразу: «Ничего личного».

– Мы уже помыли столько посуды, так почему бы нам не поужинать как-нибудь? – вытирая руки полотенцем, спросил он. – Думаю, мы заслужили такое право, раз уж отдали этой кухне почти месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.